

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

Москва, Кузнецкий М., 7. Телефоны: { Редакция 1-23-99.
Конторы 2-80-42.

Подписная цена на год 11 р. 50 к.
» » полгода 6 р. — к.
Для судработников при подписке на год 8 р. 50 к.
» » » полгода 4 р. 30 к.

№ 21

1 июня 1927 года.

№ 21

Изменения в уголовном законодательстве РСФСР.

На рассмотрении законодательных органов находятся в настоящее время представленные Народным Комиссариатом Юстиции проекты изменений Уголовного и Уголовно-Процессуального Кодексов.

Первый из этих проектов непосредственно связан с принятыми 3-й сессией ЦИК СССР III созыва изменениями «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» и положением о государственных преступлениях («Изв.» от 27 февр. т. г. № 48 и «Собр. Зак.» № 12, ст.ст. 122 и 123).

Не излагая сущности всех изменений «Основных начал» и соответствующих им изменений статей общей части УК, поскольку вопрос этот неоднократно разбирался на страницах нашего журнала, мы остановимся лишь на тех из них, которые были спроектированы незадолго до сессии и в журнале не освещались.

Первое из этих изменений касается ст. 10 «Основных начал» (и соответствующей ей ст. 14 УК) и сводится к дополнению этой статьи положением о прерыве течения давности в тех случаях, когда совершивший одно преступление во время течения давностного срока совершает другое, однородное или не менее тяжкое преступление или когда он скрывается от следствия и суда. В этих случаях исчисление давностных сроков идет со дня совершения второго преступления или со дня возобновления приостановленного производства.

Второе изменение, вернее, дополнение, «Основных начал» заключается в установлении в их новой ст. 10¹ положения о погашении судимости, известного УК и раньше и выраженного в его ст. 55. Однако, ст. 55 в ее действующей редакции не содержит того практически весьма важного указания, которое мы находим в ст. 10¹ «Основных начал» и которым разрешается (отрицательно) до сих пор в нашем законодательстве не находивший прямого ответа вопрос о том, признается ли судившимся оправданный по суду. К соответствующему дополнению ст. 55 и сводится ее изменение.

Наконец, последнее изменение относится к ст. 56 УК и заключается в привнесении ее в полное соответствие со ст. 38 «Основных начал», и именно к распространению применения условно-досрочного освобождения, кроме лишения свободы и принудительных работ, на все вообще срочные меры социальной защиты.

Изменения общей части УК, на которых, по высказанному выше соображению, мы не останавливаемся, коснутся статей 13, 20, 27, 31, 36, 47 и 48.

Изменения особенной части УК затронут только первые две главы: о преступлениях контр-революционных и против порядка управления. Здесь, прежде всего, произведено

несколько иное, чем в действующем Кодексе, распределение статей по главам. Поскольку особо-опасные преступления уже против порядка управления объединены союзным законом с преступлениями контр-революционными в одной группе преступлений государственных, они и вводятся в главу 1 Кодекса, которая, как это было в старом Кодексе, будет содержать в себе два раздела, в главе же 2-й останутся только те преступления против порядка управления, нормирование которых идет в порядке республиканского законодательства. В виду того, что положение о государственных преступлениях как по количеству статей, так и по их расположению не совпадает с соответствующими частями действующего Кодекса, произойдет новое изменение нумерации статей, которое, однако, коснется только изменяемых разделов и притом настолько незначительно, что каких-либо осложнений на практике не вызовет.

Мы также не будем разбирать изменения Кодекса в этой части по существу, поскольку они уже разбирались и поскольку включаемые в Кодекс новые статьи в точности воспроизводят статьи положения о государственных преступлениях, теперь уже известного нашим читателям.

Отметим один чрезвычайно существенный момент проекта изменений УК: всем статьям о контр-революционных и особо-опасных преступлениях против порядка управления придастся обратная сила, с отнесением момента введения их в действие к моменту введения в действие положения о государственных преступлениях.

Изменения, которые вносятся в главу II («Иные преступления против порядка управления»), ограничиваются только статьями, соприкасающимися со статьями положения о государственных преступлениях. Так, поскольку названное положение содержит в себе статью, предусматривающую только индивидуальный отказ от платежа налогов и выполнения повинностей в условиях военного времени, а действующие ст.ст. 60 и 61 УК говорят также только об индивидуальном отказе в условиях мирного времени, представилось совершенно необходимым установление квалифицированных (по субъекту) случаев отказа в условиях мирного времени, и в качестве квалифицирующего момента взято совершение преступления группой или по предварительному соглашению. Ст.ст. 60 и 61 дополнены третьими частями со значительно повышенными против первых двух частей санкциями (лишение свободы или принудительные работы до года, частичная конфискация, тройной штраф).

Так как далее положение о государственных преступлениях предусматривает отказ от призыва к отбыванию действительной службы, уклонение от мобилизации и от выполнения в условиях военного времени некоторых, относящихся к армии повинностей, то статьи 67, 69 и часть 70 УК исключены, а статьи 66, 68 и часть 70 изменены так, что ими будут охватываться только случаи уклонений от явки на сборы, опытные мобилизации и до-

призывную подготовку военнообязанных, не находящихся в рядах РККА, и случаи уклонения от выполнения военных повинностей (конской, повозочной и др.) не в условиях военного времени.

Наконец, в связи с последними изменениями Таможенного Устава изменяется ст. 83 УК, которая в новой редакции приобретает характер чисто ссылочный (на Таможенный Устав), как в диспозиции, так и в санкции.

Изменением, не связанным с изменениями союзного законодательства, является дополнение ст. 85 УК примечанием, согласно которому в изъятие из общего давностного срока для нарушений, преследуемых в административном порядке (прим. 3 к ст. 14), для дел о лесных нарушениях устанавливается трехмесячная давность. Это изменение вызвано настойчивыми ходатайствами мест, указывавшими на неприемлемость для дел о лесных нарушениях общей месячной давности.

Изменения УПК, касающиеся его 7 статей, частично (ст.ст. 26, 27 и 108) вызваны необходимостью согласования даваемых в них перечней статей УК с изменениями в его нумерации и существа этих статей не затрагивают.

Весьма существенными являются изменения ст.ст. 14 и 329, направленные к упрощению производства по делам с гражданским иском. Первая из названных статей устанавливает рассмотрение гражданского иска, независимо от его размеров, совместно с уголовным делом и судом, коему подсудно последнее, вторая ограничивает возможность передачи судом гражданского иска для определения его размеров в порядке гражданского судопроизводства только случаями, когда разрешение этого вопроса представляется невозможным без перерыва разбора уголовного дела или без получения дополнительных материалов по иску.

Следующее изменение—ст. 178—сводится к установлению порядка производства обысков и выемок в помещениях дипломатических представительств, согласованного с новым положением о дипломатических представительствах.

Наконец, также весьма существенным является изменение ст. 158, необходимость которого вызвана введением в действие нового УК с его значительными изменениями в области применения в качестве меры социальной защиты лишения свободы. Проект в качестве основных случаев, допускающих применение заключения под стражу, как меры пресечения, берет дела о преступлениях, по которым возможно назначение лишения свободы на срок свыше одного года, сохраняя имеющиеся в действующем законе ограничительные условия для применения названной меры пресечения (наличие данных для опасения, что обвиняемый будет препятствовать раскрытию истины или скроется от суда) и лишний раз подчеркивая обязательность учета избирающим меру пресечения всех обстоятельств, указанных в ст. 147 (возраст обвиняемого, состояние здоровья, род его занятий, семейное положение и тяжесть выдвигаемых улик).

Из этого общего правила проект устанавливает два исключения: 1) для дел об особо-тяжких преступлениях (в статье перечисляемых), когда заключение под стражу возможно вне зависимости от наличия каких-бы то ни было условий, и 2) для дел о некоторых (также перечисленных) преступлениях, за которые лишение свободы хотя и не может быть назначено на срок свыше года, но обвиняемые по которым либо явно уклоняются от следствия и суда, либо имеют определенную связь с преступной средой, либо не имеют постоянного местожительства и занятий.

Изложенные проекты получили одобрение Совета Народных Комиссаров и переданы им на утверждение ВЦИК.

А. Иодковский.

Хозяйственные процессы деревни и характер наблюдающихся в ней гражданско-правовых отношений по данным народного суда.

Существо и характер социально-экономической дифференциации деревни и отражение в той или иной степени и форме ее процессов в практике народного суда представляет интерес не только по соображениям абстрактного характера. С точки зрения соблюдения правильного классового начала в работе народного суда вопрос этот имеет большое практическое значение для каждого деятеля советской юстиции.

В самом деле, вскрыть природу хозяйственных процессов деревни, понять их социально-политическое значение, их классовую сущность и проследить, в какой мере и форме эти процессы находят свое отражение в практике народного суда,—разве это абстрактный, не имеющий реальной ценности вопрос?

Поскольку обеспечение правильной классовой линии в работе органов юстиции и, прежде всего, народного суда деревни упирается в существо производственных отношений различных групп крестьянского населения, постольку предмет исследования этого основного фактора хозяйственной обстановки деревни является первоочередной практической задачей. Это важно, как уже сказано, и для правильной установки классовой линии в практической деятельности органов юстиции, это закономерно и с точки зрения и общей политики Партии и тем более необходимо в условиях происходящей в деревне борьбы между элементами социалистической и капиталистической экономики.

В качестве объекта для анализа выдвинутых нами положений мы берем одну из волостей Саратовской губ. Эта волость—Лысые Горы; она имеет 8232 хозяйства (население 42.458 душ обоего пола). За отсутствием исчерпывающих сведений в отношении всех хозяйств волости, мы воспользуемся лишь выборочными материалами подворного обследования 638 хозяйств за 1926 г. Саратовского губстатбюро. Мы приведем лишь итоговые данные, укажем группировки хозяйств (638) по посеву, живому и мертвому инвентарю.

Названные данные приводятся, как мы уже сказали, хотя и не по всему количеству хозяйств волости, но, будучи точными, они все же дадут нам определенное представление об экономической мощи волости, позволят сделать ряд весьма существенных выводов о характере, формах и тенденциях процесса классового расслоения крестьянства.

Вначале возьмем группы по посеву. Из 638 хозяйств волости мы имеем следующие данные:

Хозяйств без посева и с посевом до 0,09 десятины—11 или 1,72%.

С посевом:

0—1 дес.	7 хоз...	1,09%	7—8 дес.	56 хоз...	8,78%
1—2 »	36 » . .	5,64%	8—9 »	42 » . . .	6,58%
2—3 »	63 » . .	9,87%	9—10 »	33 » . . .	5,17%
3—4 »	79 » . .	12,38%	10—13 »	52 » . . .	8,14%
4—5 »	85 » . .	13,31%	13—16 »	14 » . . .	2,19%
5—6 »	84 » . .	12,29%	20—25 »	1 » . . .	0,16%
6—7 »	75 » . .	11,75%			

Итого по волости 638 хоз. или 100%.

Если судить об относительной экономической мощи продемонстрированных хозяйств по признаку посева, то надо заметить, что основная масса хозяйств идет по линии посева от 2-х до 3-х и т. д., включительно до 8 дес., а всего

472 хоз., при чем преобладающей категорией из них являются хозяйства с посевом от 4 до 5 дес.

Довольно резкое колебание от только что указанной основной середняцкой массы хозяйств, с одной стороны, представляют хозяйства с посевом от 10 до 13 и т. д., включительно до 25 дес., а всего таких хозяйств 66. Это, несомненно, уже мощная группа хозяйств, поскольку она фактически удерживает за собой достаточно крупный посев. С другой стороны, на противоположном полюсе мы имеем хозяйства с посевом от 0 до 1 дес. и от 1 до 2-х дес., всего 43 хозяйства. Это уже маломощная прослойка хозяйств в волости, которая, как увидим ниже, по признаку рабочего скота возрастает в крупную величину (безлошадники). Что касается средств производства (с.-х. инвентарь), то здесь мы имеем весьма характерную картину: 302 хозяйства (около 50%) пользуются еще старой сохой; 23 хоз. с деревянной бороной; сенокосилок только одна (можно себе представить, как велик спрос на одну сенокосилку среди 638 хозяйств, да еще в дождливое время).

Но еще больший интерес представляет наличие молотилок. Ручных молотилок не указано; пожных 10; механических нет; молотильных катков 73, след., на 638 хоз. имеется 10 копных молотилок. Наконец, на те же 638 хозяйств мы имеем 132 веялки.

Ниже мы приведем одно из судебных дел, которое покажет нам, какие процессы происходят вокруг этих орудий производства.

Теперь же обратимся к рассмотрению двух следующих основных элементов сельского хозяйства, определяющих его мощност, и посмотрим, как группируются те же 638 хозяйств по рабочему и продуктивному скоту. Здесь мы укажем только итоговые данные. Из 638 хозяйств имеют рабочий скот 500 хоз.; след., без рабочего скота 138 хозяйств, из коих с посевом 129 хозяйств (безлошадников). По данным ВИК'а из 8232 хозяйств волости имеют рабочий скот 5650 хозяйств; число же безлошадных хозяйств во всей волости, таким образом—2582 (какая краспоречивая цифра!). У нас нет основания скептически относиться к указанным цифрам волисполкома, так как по этим данным, как объектам обложения, нечисляется сельхозналог. Как распределяются хозяйства по числу рабочих единиц скота? Однолошадных 369 хоз.; с двумя лошадьми—106; с тремя—9, с четырьмя и более—4 хозяйства. Или, по данным волисполкома в отношении всех хозяйств волости: с одной головой рабочего скота 4205 хозяйств; с двумя—1271 хозяйств; с тремя—145 хозяйств, с четырьмя и более—29 хозяйств. Основной вывод, который в данном случае необходимо сделать,—это сравнительно большое количество безлошадных хозяйств в волости, а отсюда, как массовое явление, так называемый наем пахара — основной фактор хозяйственной жизни волости, определяющий собой характер и формы классового расслоения. Об этом мы будем говорить ниже, здесь лишь заметим, что группировками, обслуживающими живым инвентарем безлошадников, надо полагать, являются хозяйства с 2—3 и 4-мя рабочими единицами скота, т.-е., главным образом, две последние категории хозяйств (145+29=174 хозяйства). Эти две последние категории и по посеву, и по рабочему скоту—хозяйства с явно выраженной тенденцией зажиточных. Однако, отсюда вовсе не следует, что только эти две последние категории хозяйств обслуживают пугды безлошадников. Несомненно, в этом случае значительную роль играют и хозяйства середняцкие, имеющие по две, а порой по одной рабочей единице скота.

Наконец, те же аналогичные данные мы наблюдаем и в области группировки хозяйств по крупному рогатому скоту (мелкий скот мы оставляем в стороне).

Так, рабочих волов 125, коров 618, след., 20 хозяйств бескоровных. Коров, используемых на пахоту и бороньбу, нет. Распределение продуктового скота между хозяйствами идет приблизительно в том же виде, как это мы только что наблюдали в отношении рабочих единиц скота.

Из приведенных данных следует прийти к выводу, что основной группировкой хозяйств волости (по посеву, рабочему и продуктивному скоту) является середняцкое хозяйство. По обеим сторонам этой основной группировки мы имеем две других группировки хозяйств—зажиточных и маломощных.

Таково содержание экономической базы волости; такова статика расслоения, в частности численное по приведенным выше признакам соотношение хозяйственной мощи указанных группировок.

На фоне этой экономики мы наблюдаем чрезвычайно характерные хозяйственные процессы уже в динамике расслоения. Содержание и характер этих процессов определяются главным образом средствами производства (живым и мертвым инвентарем). Свообразный договор, юридическая природа которого совершенно не исследована, между владельцем средств производства и нанимающим их определяет собой основной момент классового расслоения крестьянства в волости.

Основной формой хозяйства в волости является мелкокапиталистическое хозяйство, основанное на сдаче в наем рабочего скота и с.-х. инвентаря, при котором скрытый капиталист выступает под видом рабочего, работающего в чужом хозяйстве собственным рабочим скотом и инвентарем, а скрытый пролетарий (бедняк, безлошадник) под видом хозяина без рабочего скота и без инвентаря (или с недостаточным живым и мертвым инвентарем), нанимающего владельца этих необходимых средств производства.*

Мы уже указали, что волость имеет 25288 безлошадников, или из 638 обследованных хозяйств к найму инвентаря прибегают 129 хозяйств. След., эти отношения в волости посят прежде всего массовый характер.

Каково существо этих договорных отношений? Иначе, на каких условиях безлошадное хозяйство обрабатывает чужими средствами производства свою пашню?

К сожалению, ни губстатбюро, ни волисполком выборочных данных по этому основному вопросу не имеют. Нам оставалось в этом случае прибегнуть к опросу в волости ряда отдельных граждан и кредитующих население кооперативных организаций и запросить анкетным путем некоторые сельские советы о характере и формах этих сделок. Полученные данные показывают, что этот договор в подавляющем большинстве случаев носит все виды жесткой эксплуатации для одной из договаривающихся сторон.

Однако, обратимся к конкретному материалу.

Правление с.-х. кредитного т-ва пишет, что «пашня безлошадника обрабатывается за отработки и за плату; характерно, что плата повышена против общеустановленных (надо понимать—обычных цен. В. М.) на 60—70%».

Земельная комиссия ВИК'а заявляет, что «наем пахара означает для бедняка то, что он выпущен зачастую отдавать две трети своего урожая».

Ряд отдельных крестьян удостоверяют, что подряд пахара «тяжел для бедняка».

Ряд арифметических подсчетов указывает, что у безлошадника после расплаты по договору с владельцем средств производства и уплаты налога с десятины среднего урожая остается с семьей около одной шестой.

Характерно отметить ряд других заявлений о том, что «закиточные обрабатывают пашню безлошадникам на более тяжелых условиях, чем середняки, у которых это дело еще не превратилось в промысел». И несмотря на жесткую эксплуатацию «работником» своего «хозяина», обработка пашни безлошадника производится все же крайне скверно.

Это последнее обстоятельство создает иногда для безлошадника такое положение, в силу которого он бросает землю, т.-е. вынужден часть своего надела земли сдавать в аренду, сокращая таким образом свой посев. Насколько выгоден этот трудовой договор для «работника», показывает ряд сообщений о том, что размеры дохода последнего настолько осязательны, что работой на 3—4 десятинах чужого надела покрывается уплата с.-х. налога.

Мы могли бы привести и еще целый ряд не менее характерных иллюстраций из этой области отношений, но полагаем, что и этого достаточно, чтобы сделать вывод как о природе договорных отношений, так и об их социально-политической значимости.

Совершенно очевидно, что при такого рода договорных отношениях пахаря с нанимающим капиталистически присваиваемая прибавочная ценность создается не трудом нанятого «работного» с лошадью и инвентарем, а трудом нанимающего «хозяина»; труд первого становится возможным только благодаря тому, что в хозяйстве второго применяются средства производства нанятого; работает ли при этом последний или нет,—это существа дела не меняет. Поскольку волесть насчитывает 2528 безлошадных хозяйств, постольку надо прийти к выводу, что эта форма мелко-капиталистического хозяйства втянула в сферу своей эксплуатации до 25% хозяйств волости.

Другая полоса хозяйственных процессов в волости идет по линии договора аренды с.-х. инвентаря: плуга, молотилки и проч.

Здесь тоже происходит явно невыгодные для одной из сторон сделки, конечно, под влиянием крайней нужды. Так за пользование плугом бедняк выкашивает 2—3 десятины покоса или работает 2—3 дня на пашне другой стороны. Еще более в жестких тисках находится беднота при обмолоте своего хлеба. Здесь полная ее зависимость от владельца живого и мертвого инвентаря: надо и лошадь нанять, чтобы вывезти с поля снопы, надо и о молотильной машине договориться.

Мы уже указывали, что волесть на 638 хозяйств имеет только 10 молотильных машин. Таким образом, и здесь наблюдается широкое поле для массовой эксплуатации, для кабальных сделок и всякого рода иных махинаций обладателей указанных ценностей.

По тем же сообщениям местных организаций и отдельных крестьян, хроника деревенской жизни пестрит и в этом случае крайне красочными формами такого рода сделок, которые не могут быть безразличны и для Партии, и для государства.

Не менее характерные процессы наблюдаются в области наемного труда и аренды земли. Если первый более или менее регулируется и находит свое отражение в практике ряда учреждений и пользуется судебной защитой, то этого далеко нельзя сказать про аренду земли.

По данным волисполкома, в аренде находится 1305,85 десятин.

Из числа арендующих хозяйств—13 бедняцких, 619 середняцких и 198 зажиточных (точного и исчерпывающего учета хозяйств, арендующих землю, нет).

Каковы размеры аренды вообще и в отдельности ее условия, сроки, виды оплаты и проч., абсолютно неизвестно.

Весь этот огромный процесс сделок ушел в подполье. Нормы действующего закона на него

не распространяются. И здесь, поскольку инициатива подпольного заключения сделок принадлежит с'емщику земли, для слабейшей из сторон возникает та же кабальность сделок, о которой мы говорили выше.

И эти два последних вида отношений нужно рассматривать, как два мощных хозяйственных процесса, охватывающих собой значительное, если не подавляющее большинство хозяйств в волости.

Помимо указанных форм хозяйства, являющихся по сути дела формами действия промышленного (в противоположность торговому и ростовщическому) капитала, ибо в обеих этих формах капитал выступает, как владелец применяемых в производстве средств его; в волости, как позволяют полагать некоторые данные, значительно распространена деятельность и ростовщического капитала. Правда, эти процессы носят также весьма скрытый характер и совершенно еще не изучены.

Однако, как ни беден учет поля деятельности этого вида капитала, все же путем различного рода комбинированных данных нам удалось и здесь получить кое-какие конкретные сведения. Развитие ростовщического капитала в волости идет по линии кредитования зажиточными маломощными деньгами и хлебом, при чем обе эти формы кредита (особенно последняя) сопровождаются уплатой процентов в форме отработок (разумеется, бесплатных) в хозяйстве кредитора. В этом последнем случае мы уже наблюдаем «трогательное единение», ростовщического капитала с промышленным.

Несмотря на наличие в волости четырех с.-х. кредитных товариществ, ростовщический капитал все же находит для себя питание в волости. Корни этого питания ростовщического капитала лежат, конечно, с одной стороны, в крайней еще темноте некоторых элементов из маломощных прослоек деревни и в недостаточно развитой кооперативной сети, а, с другой стороны, и, главным образом, в денежной слабости наших деревенских кредитных организаций и в том обстоятельстве, что кооперативные кредитные организации выдают денежные ссуды только на производственные цели.

Поэтому значительное количество бедноты под влиянием иногда крайней нужды идет к «благодетелю», которых в волости, в лице мелких торгашей (лоточников), крупных кустарей, скупщиков сырья и проч., имеется в достаточном количестве.

Здесь же, кстати, следует указать такое характерное в данном случае явление, как абсолютное отсутствие в местной с.-х. кредитной кооперации частных вкладов.

В правлении кооперации нам говорили, что свободные денежные средства население предпочитает отдавать в «частные руки». Проще говоря, такого рода кредитования служат кое-какие товарные суррогаты или просто «спасибо».

Конечно, давление эксплуатации, как мы уже отмечали, идет по линии и промышленного капитала; оно находит свое выражение в предоставлении маломощным средств производства. И в этом случае мы наблюдаем, как ростовщический капитал переплетается с промышленным.

Поскольку «политика есть концентрированная экономика», постольку не трудно себе представить удельный вес и социально-политическую значимость отмеченных выше хозяйственных процессов.

Они определяют собой характер и формы классового расслоения крестьянства в волости, составляют существо тех отношений в деревне, которые имеют огромное значение в борьбе между двумя линиями развития экономики деревни—капиталистической и социалистической.

Овладеть этими хозяйственными процессами, т.-е. регламентировать их в известной части, охватить основные, массовые из них

в той или иной степени регистрацией, ввести их в известной части в русло действующего закона, а в отношении некоторых сторон этих процессов разработать соответствующие нормы нового закона — назревшая практическая задача дня, положительное разрешение которой позволит в известных пределах регулировать эти процессы (поскольку значительная часть сделок, как мы уже сказали, выше, совершается в подпольи, уходит от учета, не регистрируется, постольку налоговой пресс, как регулятор, является в данном случае недостаточно реальным фактором).

Итак, мы констатируем:

1. Основные хозяйственные процессы в деревне, определяющие собой характер и формы классового расслоения крестьянства, находят свое выражение, главным образом, в своеобразных договорах между владельцем средств производства и не имеющим их.

2. Поскольку волость имеет 2528 безлошадных хозяйств, постольку эти отношения охватывают собой, надо полагать, не менее одной четверти всех хозяйств в волости.

3. Деятельность ростовщического капитала в волости находит свое выражение в денежном и товарном кредитовании маломощных прослоек деревни. Этого рода сделки охватывают значительное количество хозяйств *) (из 4607 дворов одним товариществом кооперировано 610 дворов, или 13,25%, то же приблизительно и по трем другим кооперативным организациям волости).

4. Помимо указанных отношений в волости имеет широкое развитие аренда земли, сделки между сторонами которой ушли от регистрации.

5. На известных участках рассмотренных нами хозяйственных процессов деятельность ростовщического и промышленного капитала переплетается (ссуда хлебом сопровождается уплатой процентов в форме бесплатных отработок и проч.).

6. Давление эксплуатации со стороны ростовщического капитала, отбирающего у эксплуатируемого бедняка значительную часть продукции его хозяйства, гонит последнего в лапы промышленного капитала.

7. Указанные отношения в значительной своей части носят характер жесткой эксплуатации, кабальных сделок, а в отдельных случаях и характер ростовщичества (в виде промысла) для слабой стороны в этих словесно заключаемых договорах.

Село Лысые горы Саратовской губ.

В. Мокеев.

(Окончание следует).

Определение понятия „трудовое крестьянское хозяйство“.

Установленным СНК СССР 18 апреля 1925 г. («С. З.» 1925 г. № 26, ст. 183) временными правилами об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах последние разбиты на две основные группы: 1) хозяйства, наемный труд в коих или не применяется или применяется в качестве подсобного (трудовое, и 2) хозяйства промышленного типа (к последним применяются правила об условиях наемного труда в советских хозяйствах). Временные правила об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских

хозяйствах, изданные СНК РСФСР по применению вышеуказанного постановления СНК СССР («С. У.» 1925 г. № 54, ст. 411), предоставляют губисполкомам и СНК автономных республик право определить предельные размеры крестьянских хозяйств, которые по величине посевной площади, степени применения специальных культур, размерам отраслей животноводства и т. п., также по степени применения наемного труда таковы, что хозяйство в основном ведется с помощью наемного труда, и которые вследствие этого должны быть отнесены к категории промышленных.

Таким образом, губисполкомам и СНК автономных республик предоставляется по существу право определения понятия трудового крестьянского хозяйства применительно к условиям сельского хозяйства данной губернии или республики.

Критерий, как мы видим, дан только общий, и было бы необходимо, во избежание резкого расхождения практики мест, установить известные общие принципиальные подходы к конкретному определению понятия «трудового крестьянского хозяйства». Это необходимо и потому, что признание какого-либо хозяйства нетрудовым (промышленным) влечет за собой ряд серьезных последствий как экономических (лишение льготных условий найма, рабсилы, лишение экономической помощи государства и т. п.), так и политических (лишение избирательных прав и т. д.). При отсутствии общих принципиальных подходов вполне возможно, что хозяйство, признаваемое в одной губернии или республике трудовым, будет признано при наличии одинаковых условий нетрудовым в каких-либо других губерниях или республиках.

В ряде вопросов, подлежащих разрешению в связи с определением понятия «трудового крестьянского хозяйства» весьма существенным является вопрос о приведении во взаимную связь вышеуказанных временных правил и инструкции ВЦИК о выборах в советы («С. У.» 1926 г. № 75, ст. 577) и о том, в какой мере губисполкомы и СНК автономных республик связаны при определении понятия «трудового крестьянского хозяйства» пределами вышеуказанной инструкции.

Сравнение указанных законоположений показывает, что они оперируют с однородными понятиями, с той разницей, что временные правила говорят о трудовых «крестьянских» хозяйствах (ст. 1) и инструкция о трудовых земельных хозяйствах вообще (п. «а» ст. 15) и тот и другой закон считает трудовыми те хозяйства, которые или не применяют наемного труда или применяют его в таких размерах, что он является подсобным, при чем инструкция вносит дополнительный признак трудового хозяйства (примечание к п. «а» ст. 15), которого не содержат временные правила, — участие в повседневной работе хозяйства наличных трудоспособных его членов.

Мы полагаем, что этот признак, как разъясняющий понятие «трудового хозяйства», должен считаться обязательным для губисполкомов и СНК автономных республик и при определении понятия трудового крестьянского хозяйства, подпадающих под действие временных правил.

Мы полагаем также, что нет основания понимать термин «крестьянское хозяйство» в узко ограничительном смысле и что «крестьянский» характер хозяйства надлежит определять по производственному признаку, считая таковым всякое хозяйство, для которого земледелие является основным источником его деятельности.

Весьма существенным является вопрос, может ли быть признано трудовым крестьянское хозяйство, применяющее постоянный или временный наемный труд в пределах

*) За отсутствием учета, мы не можем дать в этом случае конкретных цифр.

больших, нежели те, которые установлены в пунктах «а» и «б» ст. 16 инструкции ВЦИК о выборах в советы, т.-е. напимающие одного и более постоянных рабочих, без наличия особых обстоятельств, установленных в ст. 16 (болезнь, мобилизация, уход на трудовые заработки, избрание на общественную должность, требующую отрыва от хозяйства, и т. п.) и временных рабочих (для уборки урожая) более двух.

По точному смыслу указанной ст. 16 лица, в ней упомянутые, не могут быть лишены избирательных прав, если только они не лишены их по каким-либо другим основаниям, предусмотренным ст. 69 Конституции РСФСР и инструкции ВЦИК о выборах в советы. Отсюда явствует, что ст. 16 имеет самостоятельное значение, а не представляет собой расшифровку ст. 15: пункты «а» и «б» ст. 16 устанавливают тот минимум наемного труда, на который усмотрение местных органов не может распространяться и при наличии коего члены земледельческих хозяйств не могут быть лишены избирательных прав по признаку применения наемного труда. Ст. 15 вышеуказанной инструкции и временные правила дают местным органам власти право установить максимум и вообще конкретные пределы применения наемного труда в трудовых земледельческих хозяйствах на условиях временных правил. И временные правила и ст. 15 инструкции о выборах в советы равно исходят не из формально-технического признака (число), а из характера применения наемного труда в данном хозяйстве. Ст. 1 временных правил СНК РСФСР указывает, что определять хозяйство, как нетрудовое, ведущееся в основном с помощью наемного (неподсобного) труда, надлежит не только по степени применения наемного труда, вообще не только по простому механическому признаку (число), но и в зависимости от того, насколько применение наемного труда обуславливается характером данного хозяйства (величина посевной площади, степень применения наемного труда, размер отраслей животноводства, наличие подсобных предприятий и т. п.). Поэтому надлежит заключить, что хотя установление известного соотношения между собственной рабочей силой данного хозяйства и нанятой совершенно необходимо, однако, понятие «трудового крестьянского хозяйства» не может быть определено путем установления одного механического соотношения между своей рабочей силой и нанятой; например, нельзя считать, что хозяйство будет при всех условиях трудовым, если оно нанимает рабочую силу в меньшем размере, чем рабочая сила членов самого хозяйства. Установление одного механического соотношения было бы недопустимо и потому, что продуктивность труда самих членов данного хозяйства зависит от них же самих, и на практике может получиться, что крестьянское хозяйство, применяя труд своих членов на более легкие работы, а труд нанятых рабочих на более тяжелые, и, считаясь по количественному соотношению своей и нанятой рабочей силы трудовым, по существу будет вести хозяйство в основном с помощью наемного труда. И если опасность отнесения к трудовым хозяйствам нетрудовых сравнительно невелика в хозяйствах маломощных, для которых применение наемного труда вообще не представляет особой выгоды, то она становится реальной в хозяйствах мощных, имеющих крупные земельные наделы и крупную механическую силу, для которых применение наемной рабочей силы способствует превращению их в крупно-товарные хозяйства.

Мы полагаем, что прежде всего надлежит установить по данной губернии или республике, исходя из обычных условий применения наемного труда в средняцких хозяйствах, общий максимум применения постоянной, сезонной

и временной рабочей силы, допустимый для признания хозяйств трудовыми. В этот максимум должны быть вписаны известные поправки (без превышения его) в зависимости от типа хозяйства, степени использования механического труда, недостатка в рабочей силе данного хозяйства, трудоемкости культур и вообще в зависимости от всех признаков, при которых применение наемного труда или способствует превращению его в крупно-товарное хозяйство или, наоборот, является вынужденным (например, обилие нетрудоспособных) и обеспечивающим только поддержание и нормальный рост данного хозяйства, как трудового. Поэтому для хозяйств первой категории надлежало бы установить пониженный максимум рабочей силы, допустимой для найма по условиям, установленным временными правилами в сравнении с хозяйствами второй группы.

В соответствии со смыслом ст. 1 временных правил СНК РСФСР и п. «б» ст. 15 инструкции ВЦИК о выборах в советы надлежало бы отнести к промышленным хозяйствам, имеющим, наряду с земледельческим хозяйством, собственные или арендованные промышленные предприятия (мельницу, крупорушку, маслобойку и т. п.), ведущиеся с применением постоянного или сезонного наемного труда, а также хозяйства, имеющие механические двигатели (трактор, паровая молотилка и т. п.), напимающие для обслуживания их рабочую силу.

При определении размера допустимой для трудовых хозяйств нормы найма рабочей силы надлежало бы определить и известные нормы пересчета рабочей силы. Мы полагаем, что и здесь один механический признак (число) был бы недостаточен. И в условиях крестьянского хозяйства, где широко используется труд подростков и где труд женщины только в известных случаях может быть так же производителен, как мужской, применение понятия трудоспособности, установленного Кодексом Зак. о Труде и законами о социальном обеспечении и социальном страховании, было бы неправильным. И более приемлемым мы считали бы применение обычной для крестьянских хозяйств нормы пересчета: женская рабочая сила равняется 0,8, а сила подростка—0,5 мужской. Конечно, для тех категорий работ, где разница между мужским и женским трудом незначительна, этого пересчета производить не следует (напр., в молочных хозяйствах и т. д.).

Для применения наемного труда по нормам «временных правил» необходимо, во-первых, чтобы эти хозяйства не применяли наемный труд в качестве основного, и, во-вторых, чтобы эти хозяйства были вообще крестьянскими (земледельческими). Поэтому мы полагаем, что хозяйства, имеющие нетрудовые источники дохода, могут рассматриваться в качестве земледельческих лишь отчасти и не могут быть поэтому подведены под понятие трудовых земледельческих хозяйств: для них применение наемной рабочей силы зачастую облегчает капиталистическое накопление и способствует утере данными хозяйствами характера трудовых; сюда должны быть отнесены хозяйства, перечисленные в пунктах «в» и «г» ст. 15 инструкции ВЦИК о выборах в советы, члены коих занимаются, наряду с земледелием, скупкой и продажей в виде промысла скота, с.-х. машин и орудий или закаблением крестьянского населения путем систематического предоставления в пользование имеющихся у них с.-х. машин, скота и т. п. или постоянно занимающихся снабжением населения кредитом на кабальных условиях; эти хозяйства не могут рассматриваться как трудовые, и в тех случаях, когда они вовсе не нанимают рабочей силы, у них капиталистическое накопление и перерождение хозяйств в нетрудовые может идти и независимо от найма рабочей силы.

Довольно сложным является вопрос о применении наемного труда в хозяйствах, обобществляющих свой труд полностью или частично. Мы полагаем, что поскольку даже уставы с.-х. коммун допускают в известных случаях применение подсобного наемного труда (недостаток рабочей силы, необходимость в лицах, владеющих специальными познаниями), надлежит прийти к заключению, что применение наемного труда и в хозяйствах, обобществляющих свой труд частично, само по себе не лишает их характера трудовых земледельческих хозяйств. Однако, при установлении условий применения наемного труда надо было бы провести известное различие: для организаций, обобществляющих с.-х. процессы полностью, следует установить известное допустимое соотношение между собственной рабочей силой и нанятой (напр., на пять трудоспособных членов хозяйства 1 нанятый рабочий и т. п. — мы не предрешаем соотношения); при этом должны, конечно, соблюдаться ограничения, установленные уставами данных организаций. Сложнее вопрос о пределах применения наемной рабочей силы в тех с.-х. организациях (например, с.-х. кооперативах), которые обобществляют с.-х. процессы частично (напр., запашки, уборка, сенокос, коллективное пользование с.-х. орудиями и т. п.), имея вместе с тем ее единоличные хозяйства, в которых они также могут применять наемный труд. Лишение их вообще тех льгот, которые дают временные правила, было бы недопустимо, так как единоличники, не обобществляющие своего труда, получили бы при одинаковых условиях экономические преимущества перед лицами, входящими в с.-х. организации. Вместе с тем очень трудно в таких случаях рассчитать допустимое соотношение между собственной рабочей силой данной организации и нанятой (пример: с.-х. кооператив имеет 30 членов, 120 душ, производит коллективно сенокос; сколько он может нанять рабочих по условиям временных правил. Мы полагаем, что организации такого рода могут пользоваться наемным трудом по условиям временных правил в таких размерах, чтобы его количество в совокупности с наемным трудом, применяемым ими в своих единоличных хозяйствах, не превышало того максимума, который совокупность хозяйств, образующих организацию, могла бы использовать в условиях единоличного хозяйства. Пример: в с.-х. кооператив входит 20 хозяйств, 80 едоков, из них 30 трудоспособных. Все эти хозяйства вместе, если бы они не были организованы в с.-х. кооператив, могли бы пользоваться по условиям временных правил на основании норм, установленных для единоличных хозяйств, трудом 10 постоянных наемных рабочих; будучи организованы в с.-х. кооператив, они понимают в своих единоличных хозяйствах труд 8 постоянных рабочих. Разницу (10—8=2) они могут употребить при условиях временных правил для проведения обобществленных с.-х. процессов.

Намечая эти общие подходы к определению понятия «трудового крестьянского хозяйства», мы надеемся, что работники других автономных республик и губерний поделятся на страницах «Е. С. Ю.» своим опытом и своими соображениями по данному вопросу.

Член коллегии НКЮ Авт. Соц. Сов.
Республики Немцев Поволжья

М. Еремеев.

Гор. Покровск.

Киноавторство.

Как и в искусстве, в области права кино идет своим особым путем; борьба за признание в кино его самодовлеющих особенностей только начинается. Если кино заявляет о своем господствующем праве впечатлять и просвещать массы и понемногу в борьбе с театром занимает командные высоты, следует признать, что в области советского права его особенности не вполне отражены. Впервые наш законодатель упомянул о кино-сценариях и кино-лентах в постановлении об основах авторского права от 30 января 1925 г.—это и есть та единственная правовая норма, которой руководствуется наша судебная практика до сего времени.

Между тем, с самого начала применения этого закона стало ясно, что авторское право на кино-сценарии и кино-ленты не может быть аналогичным основным началом этого права во всех иных видах литературы и искусства.

В связи с предполагаемым пересмотром в законодательном порядке основ авторского права я и считаю своевременным высказать свои соображения по этому вопросу применительно к кино.

Основной спор по вопросу об авторских отчислениях в практике обычно упирается в ст. 2 закона от 30 января, где прямо указывается, что авторское право распространяется на «кинематографические сценарии, имеющие свойства самостоятельных произведений». Указание на необходимость свойства самостоятельного произведения для признания за сценарием авторского права вызывает в спорах с драмсоюзами, представляющими интересы авторов, ожесточенные возражения, вплоть до утверждения, что требование этого признака должно быть отнесено к законодательным лягусам.

Между тем, знакомство с кино-производством не оставляет сомнения, что требование закона о свойствах «самостоятельности» кино-сценария весьма правильно и ни в какой мере не противоречит сущности авторского права.

Прежде всего надлежит остановиться на роли сценария в осуществлении конечной цели кино-постановки — в создании кино-ленты. Главнейшее в кино-сценарии — это тема и динамическая коллизия действующих лиц. Поскольку эти элементы необходимы постановщику-режиссеру, этим в сущности и ограничивается роль сценариста. Детальная разработка развития темы и всего построения кинематографических частей картины (композиция кадра, монтаж) при наличии квалифицированных режиссеров должна производиться самим режиссером. Поэтому передки значительные кино-постановки вовсе без сценария (напр., в последнее время работа режиссера Перестали), ибо достаточно дать режиссеру общую тему и очертание темы, чтобы остальное было режиссером сделано в ходе самой съемки. Конечно, в настоящее время нельзя рассчитывать, чтобы все режиссеры обладали столь могучей фантазией и на ходу в процессе работы были в состоянии облечь тему в плоть и кровь; поэтому, кроме темы и либретто, обыкновенно требуется представление сценария, который должен содержать в себе более детальное развитие темы с делением на сцены.

Однако, как бы детально ни был расчленен на части сценарий, он неминуемо в ходе работы должен быть режиссером видоизменен, сокращен и дополнен, во-первых, в зависимости от реальных возможностей декораций, постановочных в павильоне художником, во-вторых, в зависимости от свойств природы в местах натурной съемки, которая, как общее правило, не может быть наперед известна сценаристу, в-третьих, от свойств играющих актеров и иных

впечатляющих деталей, случайно встречаемых во время съемки и необходимых режиссеру для его замыслов, и, наконец, и это самое главное, в зависимости от свойств фантазии режиссера, который претворяет тему в образы только ему индивидуально свойственным творческим путем.

Если бы, однако, возможно было создание сценария, предусматривающего все до последней детали, вплоть до мимики актера (так наз. монтажный сценарий), то подобный сценарий мог бы быть создан только режиссером, и должен считаться созданным на бумаге, но незаснятой на пленке кино-лентой, а не сценарием в обычном смысле слова. Кино-литература указывает, что в стране наиболее развитой кино-индустрии, Америке, подобные опыты предельно раздвинуты, однако, у нас таких сценариев нет, да и к ним по основному закону следовало бы применить нормы, аналогичные с авторским правом на кино-ленты.

Таким образом, от работы сценариста в кино-ленте остается очень мало и, конечно, наименее ценное, ибо более всего впечатляющим и имеющим свойства художественной заразительности следует признать композицию кадра и актерской игры, создаваемые режиссером при посредстве актера, оператора (кино-съемщика) и художника.

После того, как сценарий использован режиссером, сценарий без всякого ущерба для производственной организации может быть возвращен сценаристу в собственность, так как создание нового кино-произведения, не отличающегося существенно от уже выполненной по сценарию постановки другим производственным объединением, невозможно.

Таким образом, раньше всего следует поставить вопрос, имеет ли вообще сценарий «свойства самостоятельных произведений», поскольку роль сценария по его природе подсобная, вспомогательная, и, след., можно ли вообще говорить об авторском праве на произведение, не имеющее самодовлеющей ценности.

В «Основах авторского права» законодатель до сих пор отвечает на этот вопрос утвердительно. Считаясь с фактом законодательного акта, следует обратить особое внимание на удовлетворение сценариев признаку свойств самостоятельности и категорически отвергать авторское право за инсценировками.

Как это явствует из сущности понятия авторства, только автор кино-сценария может претендовать на защиту авторского права. Автором может быть, и это истина, не требующая доказательств, только творец произведения, т.е. лицо, давшее творению идею и смысл, иными словами, автор произведения во всяком случае должен создать тему, которая содержит в себе понятие основной идеи плюс начертание темы. Если автор и может заимствовать идею, он ни в коем случае не вправе использовать чужую тему без того, чтобы не потерять авторство. Киноматографическое же искусство вне темы беспредметно и вовсе по характеру кино-творчества невозможно.

Итак, автор киноматографического сценария должен создать тему, иначе сценарий не может иметь свойств самостоятельного произведения; логически это ясно до очевидности, ибо как мог бы возникнуть «самостоятельно» сценарий, когда его возникновение связано с созданием третьим лицом темы, которая заимствована сценаристом.

Авторы инсценировок обыкновенно утверждают, что всякий киноматографический сценарий по своей или чужой теме является по существу самостоятельным произведением.

Утверждение это бездоказательно и противоречит сущности понятия авторства. Если сущность сценария не в его содержании — теме, а в методах так сказать изложения действия языком кино, следует

признать в таком рассуждении явное смешение понятий авторства и технического мастерства. Можно научиться создавать сценарий по чужой теме, для этого имеются специальные мастерские при кино-студиях, при художественных советах и др., и это квалифицированное и требующее особых данных от сценаристов мастерство вовсе не выходит за пределы возможностей специальной техники; однако, школа творчества тем нет и в природе существовать не может. Особенно в наше время, когда за кино признается исключительное культурно-просветительное и агитационное значение, вся значимость кино-ленты именно в ее теме.

Поэтому, если уж признавать за сценаристами авторское право, так только за теми, кто создает сценарии по своей теме (оригинальные сценарии).

Нужно отметить, что редакция ст. 2 «Основ авторского права» имеет огромное значение в создании светского кино, созвучного эпохе. Советское кино-производство претерпевает сценарный кризис, главным образом, потому, что инсценировки классиков не созвучны эпохе и, как общее правило, в плане Главреперткома нежелательны, а создание оригинальных произведений, отображающих нашу эпоху, встречает препятствие в отсутствии соответствующих авторов; поэтому ст. 2 косвенно побуждает авторов творить новое, а не следовать по проторенной дорожке инсценировки чужих произведений.

Практика всегда различала по самой сущности и по различной материальной ценности сценарии оригинальные в отличие от инсценировок.

Таким образом, если признавать только за оригинальными сценариями авторское право, следует иметь в виду, что в том случае, если тема оригинальна, т.е. создана вновь, и автор дал сценаристу эту тему для претворения в сценарий, автор сценария все же не должен защищаться авторским правом, ибо такой сценарий создан по чужой теме.

Следует отметить, что инструкции Наркомпроса устанавливают один процент авторских отчислений с валовых сборов за картину, т.е. при выручке с большой кинокартины (боевика) в 300.000—800.000 рублей, это составляет от трех до восьми тысяч рублей за постановку. К этой сумме следует прибавить весьма значительный гонорар за работу по написанию сценария (примерно, тысячи рублей), безотносительно к тому, оригинальный сценарий или инсценировка продана постановочной организации. Если принять во внимание, что сценарист пишет в год приблизительно 3—5 сценариев, нетрудно в круглых цифрах подсчитать, каким браменом на производство должны лечь авторские отчисления. Безынтересно также сопоставить эти суммы с весьма скромными отчислениями авторских в пользу писателей и драматургов.

Следующий вопрос, на котором следует остановиться: защищается ли авторским правом автор выпущенного в свет литературного или драматургического произведения, использованного сценаристом для кино-инсценировки.

Для этого надо установить, отличается ли произведение, положенное в основание кино-ленты, от самой поставленной кино-ленты. Для работающих в области кино вопрос этот давно со всей решительностью разрешен в том смысле, что литературное произведение, положенное в основание киноматографической постановки, не имеет с ним значительных точек соприкосновения. Заимствованные из литературного произведения надписи (несколько десятков строк из сотен страниц текста литературного произведения) имеют лишь подсобное значение, главным образом, для связи частей картины и сокращения ее длины (метража), и в идеале картины будущего должны быть лишены

литературных надписей или, во всяком случае, надписи должны ограничиться незначительным количеством отдельных слов и коротких фраз. Не нужно быть теоретиком искусства или специалистом кино для того, чтобы с уверенностью сказать, что средством влияния на третьих лиц в литературных и кинематографических произведениях служит различный материал: в литературе—слово, в кино—все, кроме слова.

Поэтому положение, утверждающее, что кинематографическое произведение существенно отличается от литературного или драматического, использованного для кино-постановки, не может вызвать спора.

Между тем, ст. 4 того же закона об основах авторского права прямо устанавливает, что «не считается нарушением авторского права... пользование чужим произведением для создания нового произведения, существенно от него отличающегося».

Отсюда ясно, что авторы литературных произведений, использованных для кино-сценариев, не могут претендовать на защиту авторского права.

Не следует забывать, что наш закон трактует всякое гражданское право, и в том числе авторское право, ограничительно. Если автор создавал специально литературное или драматургическое произведение и в полной мере с выпуском в свет своего произведения осуществил свой материальный интерес, вытекает ли правовая необходимость запрещать бесплатное использование этого произведения для других видов искусства, поскольку подобная возможность использования автором при создании своего произведения не принималась во внимание. Полагаю, что нет. Совсем иное, если автор литературного произведения заинтересуется кино-искусством и сам напишет сценарий; такой сценарий, как оригинальный, должен защищаться авторским правом. Наконец, практика знает случаи, когда автор свое литературное произведение, пока оно не опубликовано, продает в рукописи кино-организации в качестве темы для сценария.

Этот вывод находится в противоречии с § 5 инструкции Наркомпроса от 24 января 1925 г. о порядке взимания авторского гонорара за кино-сценарии («Известия» 1925 г. № 19), где устанавливается необходимость соглашения с автором литературного произведения о размере авторского гонорара для получения права инсценировки.

Однако, противоречие это не может повлиять на правильность нашего вывода, так как: а) инструкция обязательна, поскольку она прямо противоречит позже изданному основному закону, и б) ныне действует инструкция Наркомпроса от 16 ноября 1926 г. («Известия» 1926 г. № 263) и, таким образом, инструкция от 24 января заменена самим Наркомпросом новой, где нет указания на необходимость уплаты авторских за заимствованную в литературном произведении тему.

Далее, надо остановиться на ст. 3 «Основ авторского права». Статья эта гласит об исключительном праве автора на выпуск в свет своего произведения. Возникает вопрос, что является моментом выпуска в свет кино-сценария. Из изложенного выше видно, что сценарий, как некое законченное литературное произведение, вообще никогда в свет не выпускается, а если бы даже технически такое опубликование было возможно, оно интереса для читателя представить не может и защищалось бы авторским правом наравне с литературными произведениями. Кино-сценарий не может также считаться опубликованным с момента выпуска в свет кино-картины, поставленной по этому сценарию, так как между кино-картиной и сценарием, вполне понятно, нельзя ставить знак равенства; по тому же сценарию можно поставить несколько

друг на друга непохожих кино-картин. Таким образом, кино-сценарий по своей природе не знает момента выпуска в свет, и ст. 3 «Основ авторского права» к нему не применима.

Статья 5 того же закона совершенно правильно не содержит в своем исчерпывающем перечне упоминания о кино-сценариях, так как поскольку сценарий не знает момента выпуска в свет, а равно и момента публичного исполнения, к нему вовсе не относятся нормы авторского вознаграждения за публичное исполнение без согласия автора выпущенного в свет произведения.

Ст. 13 «Основ авторского права» также к кино-сценарию применена быть не может; запрещение изменять без согласия автора сценария постановку кино-картины явно абсурдно, так как автор сценария не является автором кино-картины, а изменение текста самого сценария в постановочной работе ни в какой мере интересов автора сценария не затрагивает, ибо не текст сценария претворяется в картину, а те динамические коллизии и положения, которые предусмотрены в сценарии и могут быть фиксированы не только словом, но и иным способом, напр., режиссер Гардин создает сценарии по карточной системе, где каждая карточка отображает сцену в кино-картине, при чем движение персонажей отмечается не описательно—словами, а условными знаками и чертежами.

Переходя к вопросу о кино-лентах, прежде всего следует уяснить, кто является автором кино-ленты. Мы приходим к выводу, что авторство поставленной картины принадлежит коллективу художников-творцов, при чем разграничить степень участия каждого из творцов абсолютно невозможно.

Общее руководство постановкой всегда принадлежит режиссеру, но его воля и художественный план претворяются через самостоятельное творчество художника, автора и оператора. Авторское право принадлежит этому коллективу в целом, при чем отсутствие одного из звеньев лишает коллектив возможности вновь создать точно такое же произведение (практически даже тот же коллектив никогда не может воссоздать до деталей тождественную картину).

Творчество каждого из сотворцов в отдельности также никакой цены не имеет и самостоятельно демонстрироваться не может.

Особняком стоит творчество художника, эскизы которого имеют известную ценность и относительно к авторству на кино-ленту самостоятельно защищены «Основами»; чтобы не возникло сомнения, надо иметь в виду, что роль художника в кино-постановке далеко не ограничивается написанием эскизов и не по этому только признаку художник считается нами сотворцом кино-ленты.

Применительно к ст. 12 «Основ авторского права» творческий коллектив, как общее правило, передает свое авторское право еще до начала постановки производственному органу, так как подобный коллектив в условиях нашей действительности не может обладать огромными материальными и денежными средствами, необходимыми для постановки кино-ленты. Однако, не исключается возможность организации финансово-мощного производственного объединения художников-творцов, и в этом случае авторское право принадлежало бы непосредственно авторам кино-ленты.

Следует в законодательном порядке (ст. 10 «Основ») специально указать, что выпуском в свет кино-ленты считается момент публичного ее демонстрирования в платных кино-театрах. Дело в том, что совершенно готовая кино-лента, демонстрировавшаяся публично (бесплатно) в за-

крытых для публики театрах кино-работникам или художественным критикам, может по различным мотивам (напр., по коммерческим соображениям), быть отсрочена платным демонстрированием в кино-театрах на длительный срок.

Далее, примечание ст. 12 «Основ авторского права» следует распространить и на кино-ленты, так как фактически было бы совершенно невозможно заключать письменные договоры зачастую с сотнями действующих в картине лиц о переуступке производственной организации своих авторских прав, в то время, как стоимость участия большинства этих лиц в создании ленты определяется всего лишь несколькими десятками рублей, при чем эти сотворцы кино-ленты и не подозревают о своем авторском праве.

Наконец, применительно к ст. 13 «Основ авторского права», если прокатные кино-конторы, снабжающие театры кино-лентами, приравнять к издателям, следует этим конторам предоставить самостоятельное без согласия автора право перевода надписей кино-ленты на общеизвестный по месту демонстрирования ленты язык; право это бесспорно, если принять во внимание, что кино-фабрики обычно не выпускают кино-ленты с надписями на всех языках наших многочисленных наций и племен.

Вот эти соображения мне хочется предложить вниманию законодателя при пересмотре «Основ авторского права».

О. Ленцнер.

Упрощение процесса по делам частного обвинения с точки зрения основ процессуального права РСФСР.

Вопрос об упрощении процесса в связи с общим направлением хозяйственной жизни, в частности, с режимом экономии, вызывает значительный интерес и требует серьезного обсуждения. Статья Г. Ш., открывающая дискуссию об упрощении процесса по делам частного обвинения («Е. С. Ю.» № 12—27 г.), при обсуждении предложения автора о рассмотрении дел данной категории народным судьей единолично, хотя и не может быть принята в части своих выводов, в то же время очень показательна для установления того, как должна быть проводима экономия в судебном процессе.

К сожалению, некоторое увеличение арифметическими выкладками привело к отсутствию юридического обоснования выдвигаемого предложения. Между тем, для того, чтобы признать правильность предлагаемой конструкции, необходимо доказать, что вынесение приговоров по делам, предусмотренных ст. 10 УПК, в порядке судебного приказа соответствует основным принципам нашего уголовно-процессуального права.

Для исследования этого вопроса необходимо задержать внимание на тех двух чертах, которыми характеризуются дела, подпадающие под действие ст. 25 УПК, а затем проверить, содержат ли в себе дела частного обвинения эти элементы.

Каждое уголовное дело имеет известный общественный интерес, иногда и не очень значительный. При отсутствии последнего нет и преступления. В делах же, предусмотренных статьями 64, 92, 185—187, 189, 190 и частью 1 ст. 191 УК (в редакции 1926 г.), где приговор выносится в порядке судебного приказа, общественное значение правонарушения чрезвычайно мало. Ст. 64 УК относится к той же группе дел, что и статьи 65, 66 и проч. УК, но так как

последние в отличие от первой приобретают уже большее общественное значение, то и дела, предусмотренные указанными статьями УК, подлежат рассмотрению в общем судебном порядке.

С другой стороны, в делах интересующей нас группы правонарушения очевидны и несложны по доказательствам. Очень часто приговоры бывают обоснованы документами, как, напр., при нарушении правил, установленных для учета военнообязанных (ст. 64 УК), уклонениях свидетеля, эксперта, переводчика, понятого от явки (ст. 92 УК), и т. д. Что при определении круга дел, могущих быть рассматриваемых народным судьей единолично, наше право имеет в виду именно это обстоятельство, т. е. отсутствие возможности спора о факте, видно из ст. 366 УПК, где установлено, что судебные приказы могут быть выносимы лишь в случае явной бесспорности нарушения.

Таким образом, критерий отнесения дел к группе подлежащих рассмотрению в порядке судебного приказа в отличие от общего судебного порядка заключается: 1) в малой общественной значимости дела и 2) в очевидности правонарушения.

В соответствии с этим совершенно несомненно, что прежде, чем говорить об отнесении дел частного обвинения к ст. 25 УПК, необходимо проверить, содержат ли в себе эти дела указанные выше признаки.

Нельзя, конечно, согласиться с тем, что дела частного обвинения не имеют большого общественного значения. Не говоря об отдельных случаях, приходится установить, что значение этих дел в переживаемую нами эпоху очень велико. Большинство исследователей современного быта выдвигает тезис, что если в сознании широких масс годы революции произвели большой сдвиг, быт остался все же мало тронутым. Между тем, дела об оскорблениях, клевете, нанесении удара—это как раз те вопросы, на которых сейчас все больше задерживается наше внимание в связи с кампанией против хулиганства, против проявления неуважения к человеческой личности, а также и целого ряда других темных сторон быта, унаследованных от дореволюционного прошлого. Вполне понятно поэтому, что все эти дела, предусмотренные статьями 143, частью первой ст. 146, статьями 159—161 УК, не могут быть рассматриваемы в порядке судебного приказа, т. к. суд ведет большую воспитательную работу, возможную лишь при рассмотрении дел в общем судебном порядке.

Установление фактов, лежащих в основу приговора по делам частного обвинения, редко возможно без судебного следствия. Особый характер этих дел создает необходимость осторожной оценки материалов и в большинстве неизбежность допроса свидетелей, указанных потерпевшим и обвиняемым; иначе совершенно невозможно установление материальной истины.

Итак, приведенные соображения показали, что отнесение дел частного обвинения к кругу рассматриваемых народным судьей единолично противоречило бы основным принципам нашего процессуального права.

Но где же тогда можно найти возможность известной экономии. Об этом немного ниже. Пока несколько слов о цифрах, приведенных Г. Ш., вызывают большое сомнение. Так, напр., желая вычислить сумму непроизводительно затраченного времени на дела, прекращенные за примирением сторон, автор множит число прекращенных дел на 2 ч. 50 мин., т. е. на затрату времени, необходимого, по его исчислению, для производства одного дела частного обвинения целиком, вплоть до обращения приговоров к исполнению. Это совершенно неверно, ибо в большинстве случаев примирения имеют место до вынесения приговора, а поэтому время, затраченное на подобного рода дела, не может равняться затрачиваемому на производство, оканчивающееся

приговором, да еще обращенному к исполнению. Поэтому цифровые выводы преувеличены. Но не в цифрах дело. Центр тяжести вопроса заключается в том, что возможность экономии должна усматриваться далеко не в перестройке системы судебного разбирательства.

В разбираемой статье Г. Ш. обращает на себя внимание интересный факт: из общего числа 2 ч. 50 мин., затрачиваемых на проведение дела частного обвинения, лишь 67 мин. уходит на судебное заседание. Остальное время идет на исполнение разных частей канцелярской работы. Значит, сделанное Г. Ш. заявление, что «ряд таких недочетов процесса, которые в силу неудачно построенных статей наших процессуальных кодексов (курсив мой—К. Ю.), не только осложняют его, но часто, препятствуя движению максимальной быстроты, создают волокиту, делая процесс неэкономным и дорогим» (взято буквально—К. Ю.), не находит себе никакого подтверждения.

Экономия нужна и возможна, но исключительно в данном случае за счет упрощения канцелярской работы, что вполне выполнимо и отдельными судами постепенно достигается. Тот факт, что на канцелярское оформление уходит больше времени, нежели на рассмотрение дела,—явление нездоровое и должно быть безусловно изжито.

При проведении же экономии в судебной работе следует всегда иметь в виду слова V Всероссийского Съезда работников юстиции, с которых Г. Ш. начал свою статью—«Задачей процессуальной политики является создание процесса... наиболее обеспечивающего достижение материальной истины». Вот как раз наибольшее-то достижение материальной истины едва ли возможно при осуществлении проекта Г. Ш.

Члены коллегии защитников К. Юдельсон.

г. Свердловск.

В № 12 «Ежен. Сов. Юст.» напечатана в порядке обещания статья тов. Г. Ш. под заглавием: «Упрощение процесса по делам частного обвинения».

Автор статьи развивает мысль: «чтобы избавить суд от непроизводительной потери времени по разбору дел, возникающих в порядке частного обвинения, упростить и удешевить процесс движения дел этой категории, необходимо поставить вопрос об изменении ныне существующего порядка рассмотрения дел этой категории в народном суде и соответствующем изменении ст. 10 УПК», и предлагает для этого все дела, возникающие в порядке частного обвинения, передать на рассмотрение единолично народному судье, «предоставив судье право налагать взыскание на виновную сторону в судебном же заседании кратким приговором в виде резолюции на протоколе же судебного заседания», и считает, что эта мера «безусловно упростит процесс».

Другими словами, автор разбираемой нами статьи поднимает вопрос, уже было поднятый на страницах «Вестника Советской Юстиции» (№ 19 за 1926 г.) тов. Гариным в статье «Единоличное рассмотрение дел парасудей», о передаче ряда дел, в данном случае дел, возникающих в порядке частного обвинения, на единоличное рассмотрение народного судьи.

По поводу этой статьи на страницах «Вестника Советской Юстиции» развернулась оживленная дискуссия и все оппоненты (в том числе и автор настоящих строк) высказались против предложения тов. Гарина («В. С. Ю.» № 1 за 1927 г.).

Теперь перейдем к разбираемой нами статье.

Прежде всего, что это за «краткий приговор в виде резолюции на протоколе судебного заседания»? Для нас совершенно непонятно, что хотел автор разбираемой нами статьи этим сказать... Что судья должен писать «резолюцию» на протоколе судебного заседания? Но тогда при чем тут «приговор»? Или же что секретарь под диктовку судьи после протокола пишет «приговор», нечто вроде постановления суда? Но это получается слишком уж крупное «упрощение процесса»: что-то среднее между приговором и постановлением.

Не в этом еще беда. С упрощением вынесения приговора еще можно согласиться (конечно, в несколько иных, более приемлемых и обоснованных формах).

Нас интересует сейчас другой вопрос: целесообразно ли и вызывается ли необходимостью передача дел на единоличное рассмотрение народного судьи вместо разбора их в обыкновенном составе народного суда, т.-е. парасудьи и двух народных заседателей.

Почему именно дела, возникающие в порядке частного обвинения, должен разбирать народный судья единолично? Почему именно эти дела, а не другие? Почему же считать, что эти дела настолько проще других, что не требуют коллективного разума? Разве дела по обвинению в самоуправстве, клевете, нанесении побоев и т. п. настолько просты и несложны по своему содержанию, что внимание к ним трех судей излишне? Ведь мыслим товарищам, думается, порой долго приходилось задумываться над преступлениями, именуемыми самоуправством и так близко соприкасающимися с чисто гражданскими правоотношениями, и здесь я думаю, внимание трех судей как раз и не излишне.

Участие парасудей по таким делам не только не излишне, а порой прямо необходимо, особенно на селе, где им, людям этой же среды, понятнее и ближе все недоразумения.

Что же касается самоуправления, то как раз эти дела чаще всего захватывают народных заседателей и вызывают с их стороны много дельных и толковых вопросов во время судебного следствия и живое обсуждение дела в совещательной комнате.

В идею народного суда положен принцип коллегиальности, и даже судебный приказ не противоречит этому принципу, т. к. в силу 410 и 411 ст. ст. УПК «осужденный вправе в течение трех суток после получения копии ходатайствовать о судебном рассмотрении дела», и судья обязан по такому ходатайству внести дело в судебное заседание с вызовом сторон.

Предложение же автора разбираемой нами статьи является, нам кажется, покушением на идею единого суда, на принцип коллегиальности, и должно быть категорически отвергнуто, как нецелесообразное и не вызываемое необходимостью.

Для разгрузки же народных судов от дел, возникающих в порядке частного обвинения, дел, часто совершенно необоснованных, нам кажется, есть иной выход, а именно введение более сокращенной погасительной давности по делам, возбуждаемым в порядке частного обвинения.

В самом деле, разве недостаточно будет для потерпевшего трех или шестимесячного срока для подачи в суд жалобы на обвиняемого, нанесшего его личности моральный или физический ущерб? Разве после такого долгого срока чувство «обиды» не должно заглохнуть (это доказывает и неподача жалобы), а в случае подачи жалобы после этого срока сам по себе этот факт не указывает ли на то, что старая «обида» подогрета извне уже чем-то иным?

И разве мыслимо после такого срока серьезно доказать «оскорбление» или «побои», когда у всех свидетелей все мелочи события уже выветрились из памяти?

Нам кажется, что срок по таким делам является слишком долгим и должен быть сокращен.

Только этим мы можем уменьшить количество необоснованных дел, возникающих в порядке частного обвинения и загромаждающих наши народные суды.

Нар. судья 5 уч. Одесского округа УССР **С. Корженевский.**
Село Зельцы.

—><—

Рамки и методы обследования лицами прокурорского надзора следственных камер.

I.

Против двойного подчинения следователей (прокуратуре и суду), как известно, в свое время раздавались возражения со стороны работников центральных и местных органов юстиции, настаивавших на подчинении следаппарата целиком прокурорскому надзору. С этим взглядом еще довольно часто приходится сталкиваться и в настоящее время. Тем не менее изучение материалов с мест убеждает в том, что существующее разграничение функций суда и прокуратуры в области руководства следствием, по крайней мере, в подавляющем большинстве случаев не является каким-либо тормазом в работе, и если кое-где возникали и возникают трения, то причиной их по большей части является не т. н. двойное подчинение следаппарата, а персональные взаимоотношения и только *).

Что преобладающая роль в деле руководства предварительным следствием принадлежит и должна принадлежать прокуратуре, точно так же, как губсуду принадлежит и должна принадлежать преобладающая роль в административно-хозяйственной области следственной работы, что вместе с тем и в том и другом отношении деятельность обоих органов тесно соприкасается, и большая успешность ее требует повседневной деловой увязки, это навряд ли в настоящее время нуждается в каких-либо доказательствах.

Ответственной роль прокуратуры по руководству следствием подчеркнута с достаточной категоричностью действующей редакцией УПК, и тот принцип «персональной ответственности прокуратуры за недостатки следствия», который вытекает из указанной роли и который провозглашен еще V Всероссийским Съездом деятелей юстиции, фактически проводится в жизнь. Достаточно просмотреть предложения, которые даются прокурорам, как в связи с их очередными отчетами, так и в связи с заслушиванием докладов на ревизионных совещаниях при Управлении Прокуратуры Республики в части следственной работы, чтобы убедиться в справедливости сказанного. Если большой процент следственных дел идет на прекращение или возвращается к доследованию, или из-за недостатков следствия имеет место высокий процент отмены приговоров, то это ставится на вид прежде всего прокурору.

Отсюда, естественно, продолжает сохранять свое актуальное значение вопрос о предоставлении возможности про-

куратуре более полно и более реально руководить следственной работой, ибо без такой возможности не может быть речи и об ответственности.

В ряду различных методов надзора прокуратуры за следствием, если не считать возможного лишь в отношении ближайших следователей метода живого повседневного руководства, на первом месте по своему значению, несомненно, как это доказала практика, должен быть поставлен метод периодических обзоров на месте, в камере нарследа, находящихся в производстве следственных дел. Нет ни одной губернской и участковой прокуратуры, которые бы не включали этих обзоров в свои квартальные (ныне—полугодовые) планы. Ревизии как Центральной Прокуратуры, так и губернских (областных, краевых) прокуратур, равным образом, включают эти обзоры следственных дел, как обязательный момент, в программу своих работ.

Рамки и центр тяжести этих обзоров, судя по отчетным и ревизионным материалам, не оставались, да по существу и не могли оставаться, одними и теми же на протяжении истекших лет. В самом деле, год-полтора тому назад мы стояли перед фактом огромной перегруженности следаппарата; с отрывкой ее кое-где приходится сталкиваться даже в настоящее время.

Обзоры дел в этот период неизбежно должны были считаться с этим фактом, неизбежно должны были получить, если можно так выразиться, «разгрузочный» уклон. Нельзя ли из многих десятков, а то и сотен следственных дел, давивших мертвой тяжестью на следаппарат, выбрать те, которыми можно с большей или меньшей натяжкой пожертвовать, выбросить за борт, во имя сосредоточения энергии следователей на других, имеющих большое значение делах? Вот задача, одним из средств решения которой были обзоры дел на месте.

Задачи качественного улучшения каждого производимого в отдельности расследования отступали на второстепенный план, даже более того, задача эта была физически невыполнима при обзоре 60—100 и более следственных дел, исключавшем возможность детального ознакомления с каждым из них.

Совершенно иные задачи, очевидно, ставят и должны ставить обзоры следственных дел в настоящее время, когда, наконец, в связи с разгрузкой следаппарата создана предпосылка для перенесения центра тяжести на качественную сторону следствия. Между тем, из ревизионных материалов, а также из циркуляров ряда губпрокуратур видно, что еще далеко не всюду учтена резко изменившаяся в настоящее время ситуация и что обзоры «по инерции» продолжают местами носить прежний, недостаточно глубокий характер.

Обзоры следственных дел (носящие несколько не совсем точное название «обследований камер») к тому же отличаются значительной пестротой по различным губерниям и даже по различным уездам одной и той же губернии не только с точки зрения количественной, но и со стороны содержания, методов, форм. Пестрота же эта, несомненно, служит одним из препятствий к сопоставлению итогов обследований. Вот почему вполне своевременно поставить на обсуждение вопрос о рамках, методах и формах обзоров (обследований) дел у следователей.

II.

В отношении рамок обследования представляется прежде всего совершенно ясной необходимость охвата не только непосредственно следственной работы, не только следственных дел, но и возложенной на нарследов действующей редак-

*) Сказанное не исключает, разумеется, постановления вопроса о реальном единстве нашего следственного аппарата (агент упродыска—нарслед—прокурор), а равно вопроса о единстве руководства следствия в плоскости упрощения процесса и устранения каких бы то ни было источников параллелизма.

цией 105 и 107 ст.ст. УПК работы по наблюдению за дознанием.

Ясно потому, что общий надзор за дознанием, как известно, оставлен за прокуратурой, а также учитывая то большое значение, которое имеет соответствующая работа нарследов по наблюдению за дознанием.

Речь может и должна идти лишь об объеме обозрения следственных дел и дознаний.

Если при нормальной нагрузке камеры нарследа 10—12 следственными делами мыслимо детальное обозрение в один выезд, если не всех, то большей части их, то этого нельзя сказать о дознаниях, которых (вместе с прекращенными) у следователей имеется гораздо большее количество.

В отношении дознаний поэтому приходится, как правило, ограничиться просмотром их лишь на выдержку, как в части дознаний, направленных следователем в порядке 3 п. 105 ст. УПК, так и, главным образом, в части дознаний, прекращенных следователем.

С другой стороны, в отношении дознаний запрашиваются следующие оговорки:

1) Обследование должно интересоваться не только качеством просмотра нарследом поступающих к нему дознаний (в смысле своевременности, глубины и внимательности, его, своевременности направления дознаний, правильности утверждений задержаний, правильности и целесообразности даваемых по дознанию предложений); но в меньшей степени прокуратуру интересует и степень реальной связи нарследа с органами дознания.

Только бумажная связь, которой преимущественно характеризуется первоначальный период проведения в жизнь 105 и 107 ст.ст. УПК действующей редакции, что, как отрицательный момент, отметил отчет Прокуратуры РСФСР Президиуму ВЦИК за 1925 г., не может считаться достаточной. Необходимо добиться живой связи нарследов с органами дознания. Стало быть, обследование и должно дать ответ на вопрос: есть ли такая живая связь, если есть, то в какой степени и каким образом она осуществляется; практикуются ли вызовы лиц, ведущих дознание, с делами (сколько было таких вызовов), практикуются ли и как часто посещения органов дознания следователем, инструктивные совещания, проверка выполнения тех или иных ранее данных указаний и предложений.

2) Отсюда вытекает необходимость, прежде чем приступить к обследованию работы нарследа (в части наблюдения за дознанием), предварительного обследования состояния поднадзорных данному нарследу органов дознания, что представляет собою прекрасное и незаменимое средство для ориентировки и более точной оценки работы нарследа по руководству дознанием.

III.

До известной степени, конечно, условное значение имеет принятое в обиходе разграничение формально-процессуальных моментов обозреваемого следственного производства (равно и дознания), с одной стороны, а так называемого существа и техники расследования, с другой. В действительности то и другое обычно теснейшим образом связано между собою, и, например, такие «формальные» нормы УПК, как 117 ст. (определяющая правила соединения следственных производств), 111 и 112 (определяющие рамки предварительного следствия) и т. п. до очевидности имеют непосредственное отношение и к формальной стороне и к существу и к технике расследования. Но при всем условном значении этого разграничения ясно, о чем идет речь, когда обозрение ограничивается одним лишь фор-

мально-процессуальными рамками или же когда оно, кроме того, ставит своей целью ознакомиться с существом дела и техникой расследования к нему. Речь идет о различной глубине и рамках обозрения.

Одно дело проверить при обозрении, своевременно ли начаты следственные действия по делу (ст. 110 УПК), соблюден ли срок, предусмотренный ст. 116 УПК, мотивировано ли избрание той, а не иной меры пресечения, соблюдена ли 207 ст. УПК, соблюдены ли правила допроса свидетелей, обвиняемых, предъявлено ли обвинение с соблюдением срока и т. д., и т. д.

Другое—проверить, ведется ли следствие по данному делу по целесообразному плану и в должном направлении, исчерпаны ли все возможности для раскрытия преступления, а если не исчерпаны, то дать указания, что еще можно и должно сделать (произвести ли местный осмотр, экспертизу, вызвать ли новых свидетелей и т. д.).

Вот, напр., извлечение из одного акта обследования камеры нарследа Астраханской губ.:

«...Дело № 53, о представлении Харабалинским райком в Астраханский гик неверных сведений по конфискованному имуществу (108 ст. УК) начато 6 сентября. Следствие по делу ведется: 1) допрошены в качестве свидетелей Игнатъева, Зуев, Орлова, Лисицына, Бочарников, Попова и Янченкова, и 2) затребованы из орготдела гика сведения о конфискованных по приговору строениях.

Предложено: выявить лично в Харабалинском рике, где именно находится вся подлинная переписка, на основании которой были возвращены указанным лицам (Игнатъевой и др.) неправильно дома, переписку эту изъять, осмотреть и приобщить к делу; 2) выяснить, кто именно персонально участвовал в вынесении этих постановлений здесь, в с. Харабалах; 3) допросить в качестве свидетелей состав комиссии по рассмотрению конфискованных домов и строений по Харабалинскому району, а именно: Чуренова, Сапрыкина, Раздолгина, Напылова и Храпова; 4) допросить в качестве свидетеля Мельникова о причинах возвращения ему дома отца, и 5) если при дальнейшем ведении следствия будет выяснено, что необходимая для дела переписка находится в Астрахани, то дело это направить в губпрокуратуру для передачи одному из городских следователей.

Д. № 54 по обвинению гр. Мундашевых Бисена и Джумбая, Куманбаева Давлеткалы и др. по 2 ч. 183 ст. УК. Начато 25 сентября с. г. По делу были сделаны вызовы из Казовского поселка (120 в.), но никто не явился.

Предложено: 1) допросом в качестве потерпевшей Разгалинаевой Сагита установить, было ли действительно в данном случае открытое похищение у нее имущества указанными лицами или действие их носит признаки самоуправства, а в частности установить, кому именно принадлежит имущество (не ее ли дочери), и 2) в зависимости от результатов дать делу дальнейшее должное направление».

Ясно, что здесь обследование вплотную подошло к тому, что мы называем существом дела, не ограничилось одним лишь «процессуальными рамками».

Как уже было упомянуто выше, в настоящее время задачи качественного улучшения предварительного следствия и подлинного руководства им диктует необходимость при обозрении следственных дел, не ограничиваясь проверкой одной лишь формально-процессуальной стороны, глубоко заглядывать в самое существо следственного дела. Нельзя скрывать, что такие рамки обозрения, какие диктуются в настоящее время, требуют большой и серьезной работы соответствующих лиц прокурорского надзора над систематическим пополнением своих знаний по части уже не только процессуальной стороны, но и способов и техники расследования. Их, т.-е. эти расширившиеся и усложнившиеся задачи обследования, нельзя игнорировать и при назначении лиц прокурорского надзора на работу, преимущественно связанную с руководством следствия.

IV.

Методы обследования на месте состояния следственной работы отнюдь не должны быть изолированными и оторванными от прочих методов надзора за следствием. Наоборот, только в сочетании с последними будет облегчена работа по обзору дел на месте и работа эта даст большие результаты.

Прежде, чем приступить к обследованию, необходимо учесть и систематизировать имеющийся уже и относящийся до обследуемой камеры материал. Значит, здесь мыслится прежде всего использование наблюдательных производств (если только они ведутся удовлетворительно, а не для проформы, и отражают реальное наблюдение за делом), которые желательно при обследовании иметь под рукой. Далее, нужно учесть жалобы, поступившие на действия следователя, статистические сведения, данные судебного надзора. Необходимо привести в ясность предложения, данные следователем, запросы, ожидающие его ответа, для того, чтобы проверить степень их выполняемости, и т. д.

Реализация результатов обследования мыслима также в различных направлениях. Не говоря уже о направлении в результате обзора следствия по тому или иному делу по более рациональному руслу, обзор дел дает возможность инструктажа следователя, и эта возможность должна быть максимально использована.

Обзоры дают иногда ценный материал и для организационных мероприятий, проводимых через губсуд, по части подготовки и переподготовки работников следствия, более рационального размещения, изменений личного состава, приближения следственного аппарата к населению.

Иногда обзор выявляет ряд таких ненормальностей следствия, которые могут быть устранены при содействии местных руководящих органов.

Обзоры могут и должны быть использованы для борьбы с волокитой, бюрократизмом, с загрузкой следствия излишними делами, с невыполнением теми или иными органами служебных требований следователей, с недочетами органов дознания, заведением ничемных дел.

Таков отнюдь не исчерпывающий перечень методов реализации результатов изучения на месте следственной работы.

V.

Несколько слов о фиксировании результатов обследования.

Прежде всего нужно ли это фиксирование? На этот вопрос не может быть двух ответов. Оно необходимо для производящего обзор прокурора (имея в виду ограниченность человеческой памяти) в целях последующего контроля за исполнением данных предложений. Не менее необходимо оно для контроля методов и предложений самого следователя вышестоящими инстанциями прокурорского надзора. Наконец, оно необходимо и как материал руководства для следователя в его дальнейшей работе по выполнению всех указаний, а иногда как формальное оправдание производства одних и отказа от других следственных действий.

Поэтому следует признать вполне целесообразной практику независимо от фиксирования результатов обследования в наблюдательных производствах составления актов обследования со сжатым изложением в них положения каждого из обзоренных дел и данных по ним указаний, а также и других моментов, характеризующих следственную работу, о которых сказано было выше.

Надо полагать, более глубокое и серьезное ознакомление с делами устранит из актов обследования такие деклара-

тивные предложения, как «дать движение делу», «выполнить такую-то статью УПК», «ускорить следствие» и т. п.

Нельзя далее не признать вполне целесообразной практику тех губпрокуратур, которые установили систематическое непосредственное ознакомление с актом обследований камер нарследов, производимых участковыми прокурорами.

В результате такого ознакомления и учета опыта, надо полагать, удастся не в далеком будущем разработать в общереспубликанском масштабе примерную схему таких обследований, которые в смысле руководства будут иметь не меньшее значение, чем преподанные Прокуратурой Республики примерные схемы обследования выков, сельсоветов, органов милиции и земкомиссий.

Н. Лаговкер.

Нужен ли институт старших следователей?

Этот вопрос на страницах «Е. С. Ю.» поднимается не раз и зачастую народными следователями, которые почти всегда приходят к выводу о необходимости совершенного упразднения этого института. Интересно то, что сами старшие следователи никогда не пишут, насколько верны эти выводы. Я же, проработав 2½ года народным следователем, а сейчас работая в качестве старшего следователя, пришел к выводу, что самый институт старших следователей, если не упразднить, то в жорне нужно изменить в его организационных формах. Мотивы этого — некоторые нецелесообразности работы старших следователей. Часть этих нецелесообразностей заключается в том, что, имея 10—12 дел у себя на руках, старший следователь все же редко выезжает на место происшествия, так как он находится всегда в центре округа или губернского городе и ведет дело путем послышки отдельных требований тем же народным следователям, зачастую посылая это отдельное требование тому же народному следователю, от которого ему в виду «сложности» и было передано это дело. Таким образом, качество самого следствия не улучшается, т. к. отдельное требование выполняет тот же народный следователь, и сам народный следователь этим самым загружается лишней работой, а старший следователь в ожидании исполнения его отдельного требования полной нагрузкой не работает. Выезды же старшего следователя по каждому делу на место происшествия не оправдают ни затраченного времени, ни средств, а последних при каждом окружном суде и не хватает настолько, чтобы можно было выезжать по всем делам, находящимся у старших следователей, дела же эти нередко ему присланы из уездов от участковых следователей.

Поэтому необходимо, чтобы старшие следователи, вернее их было бы называть запасными народными следователями, периодически выезжали в участок того или иного народного следователя и на месте вели работу совместно с участковым следователем, делаясь с ним опытом и практикой, а последний при желании почерпнет необходимые знания в области ведения так называемых «сложных» дел, поднимая этим самым свою квалификацию, да и старший следователь без дела сидеть на участке у него не будет. Такая помощь народному следователю будет существенной. Во-первых, он будет знать, что все дела, поступающие в его участок, должны оканчиваться им же самим, и «сплавить» их куда-нибудь, ему не удастся, да и желания придавать важность и сложность тому или иному делу, лишь бы его передать старшему следователю, у него не будет. Да и по существу ст. 108, УПК все дела у следователя являются важными и

до некоторой степени сложными. Такая реорганизация следственного аппарата сделает один шаг к единой системе ведения следствия, а прокурор, ведущий наблюдение за этими старшими и народными следователями, пусть лучше наблюдает, какой участок загружается и где следователь слабее, туда-то на помощь, на месяц или на два, и надо посылать старшего следователя, которого впоследствии на округ вместо трех—четырёх хватит одного, да и средства, расходуемые на него, при таком положении будут затрачены более целесообразно.

Кроме того, прав тов. М. Соколовский («Е. С. Ю.» № 9 1927 г.), указывающий, что с упразднением института старших следователей при окружных и губернских судах улучшится состав самих народных следователей, хотя и не в полной мере, но все же это будет сдвиг в сторону улучшения следственного аппарата, да и приблизит его к массам. о существовании же института старших следователей массы почти не знают, и если их работа будет вестись таким же методом, как и сейчас, его и не будут знать. Для суда же при разборе дела такое упрощение вреда не принесет. Выполнение же норм УПК одинаково требуется как от народных следователей, так и от старших, а выполнять их при таком положении вещей могут так же хорошо первые, как и последние.

Ст. следователь окружного суда Макаров.

Сибирь. гор. Иркутск.

Страница практика.

Условное осуждение по Угол. Код. ред. 1926 г.

В связи с введением в действие нового Угол. Код. редакции 1926 года понятие условного осуждения, применяемого судами на основании ст. 53 УК, изменилось:

Если раньше по Угол. Кодексу ред. 1922 г. условное осуждение в силу ст. 32 УК являлось одной из мер социальной защиты, налагаемых судами на лиц, совершивших то или иное преступление, и согласно ст. 36 УК оно могло быть применено лишь в отношении лишения свободы и только в тех случаях, когда судом будет установлено, что преступление обвиняемым совершено впервые, при тяжелом стечении обстоятельств в его жизни, и когда степень опасности осужденного для общества не требует обязательной изоляции его и даже назначения ему принудительных работ. При этом часть 3 ст. 36 УК конкретно указывала, что суд не вправе применять условное осуждение к обвиняемому, пораженному в правах.

По новому же Уголовному Кодексу условное осуждение представляется нам как-будто в совершенно ином виде и толкуется судебными практиками различно, а именно, в ст. 20 УК, перечисляющей все меры социальной защиты судебно-исправительного характера, условное осуждение законодателем не внесено; ст. 53 УК, служащая основанием для применения условного осуждения, в новом УК помещена не в разделе 4-м о мерах социальной защиты, как это было со ст. 36 УК старой редакции, а в разделе 6 об условном осуждении и условно досрочном освобождении. Таким образом, даже при поверхностном обзоре можно сделать вывод, что условное осуждение по УК редакции 1926 года не является мерой социальной защиты, а порядком приведения приговора в исполнение. (Такое определение условного осуждения делает А. Старш в своей статье в журнале «Рабочий Суд» № 7—27 г.).

Исходя из фактического назначения условного осуждения и оценки его в УК, эти недостатки приходится отнести за счет упущения законодателя, но с выводами т. А. Старш никак нельзя согласиться. Если мы обратимся к тексту примечания к ст. 53 УК, то мы прочтем, что присоединенное к лишению свободы или принудительным работам в виде дополнительной меры социальной защиты денежное или имущественное взыскание приводится в исполнение на общих основаниях, независимо от того, что основная мера социальной защиты определена условно; след., условное осуждение является даже основной мерой социальной защиты. Кроме

того, по точному смыслу ст. 55 УК и ст. 10 «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», лицо, условно осужденное, считается судимым; только при условии, если условно осужденный в течение назначенного судом испытательного срока не совершит нового преступления, приговор суда считается утратившим силу и осужденный несудимым. Если мы примем во внимание, что условно-осужденный должен знать, что при совершении нового преступления в течение назначенного судом испытательного срока над ним будет приведен в исполнение и ранее вынесенный приговор, то ясно, что суд, вынося условное осуждение, умаляет или даже отнимает у обвиняемого возможность совершить новых преступлений, а это аналогично с п. «а» ст. 9 УК ред. 1926 года.

Обращаясь дальше к рассмотрению ст. 53 УК, которая гласит: если суд признает, что степень опасности осужденного не требует обязательной его изоляции или обязательного исполнения им принудительных работ, он вправе постановить об условном его осуждении, мы устанавливаем, что в отличие от УК редакции 1922 года новый УК разрешает выносить условное осуждение не только в отношении лишения свободы, но и в отношении принудительных работ, и что для постановки условного приговора вместо целого ряда условий, требуемых ст. 36 УК ст. ред., суду необходимо установить лишь одно условие, а именно, степень опасности подсудимого, не требующую обязательной его изоляции или выполнения им принудительных работ в целях предусмотренных п.п. «а» и «в» ст. 9 УК, но чтобы установить это, суду необходимо сделать вывод из совокупности всех имеющихся в деле данных, почему мы и считаем, что для применения ст. 53 УК мотивировка в приговоре должна быть обязательно.

Что же касается условной постановки приговора над осужденным, пораженным в правах, то мы считаем, что это явление безусловно не должно иметь места, хотя в ст. 53 УК, так же, как и во всей общей части УК, об этом ничего не говорится.

Нарсудья 1 участка Буйского у.

Костромской губ. В. Соловьев.

г. Буй

Кто и как должен прекращать дела по ст. 8 Угол. Кодекса.

В практической работе бывает ряд дел, по которым по точному смыслу, вложенному законодателем в ст. 8-ю и примечание к ст. 6 Угол. Код., в силу явной малозначительности или отсутствия вредных последствий (хотя формально подпадающих под соответствующие ст.ст. УК), или утраты характера общественно-опасного действия, могут не применяться меры социальной защиты не только судом, но и в период расследования.

Статья 8 и примечание к ст. 6 Угол. Код. действительно жизненны и необходимы в уголовном законе; применена же ст. 8 может быть только судом, хотя в этой статье и говорится, что «если конкретное действие, явившееся в момент совершения его, согласно ст. 6-й Угол. Кодекса, преступлением, к моменту расследования его...» и т. д.; по смыслу текста статьи получается, что как-будто ее можно применить и в период расследования, но, как видно, только через суд, а не прокуратурой, помимо суда, как это было возможно по ст.ст. 4-а и 222-а УПК.

Между тем, из постановления Пленума Верховного Суда «о применении ст. 4-а УПК» (протокол № 10 от 28 июня 1926 г.) видно, что Пленум мыслил необходимым существование специальной статьи уголовного закона, в данном случае ст. 8 и примечания к ст. 6 УК, которая могла бы практически применяться судами и прокуратурой. В пункте первом постановления определено указывает: «устраняла бы возможность предания суду и вынесения обвинительных приговоров за деяния, формально подпадающие под признаки какой-либо статьи УК».

Может ли прокуратура с отменой ст. 222-а УПК прекращать такие маловажные дела, как это мыслилось Пленумом Верховного Суда при постановлении и по духу ст. 8 и примечания к ст. 6 УК, помимо суда. Повидимому, нет. Как видно, все такие, возможно пустые, дела, лишь только формально подпадающие под соответствующие статьи УК, должны направляться в суд. Но это неминуемо должно вызвать бесцельную загрузку судов и излишнюю волокиту, с чем особенно теперь борется Партия и советское государство.

С отменой ст. 222-а УПК для следователя и прокурора стало неосуществимым применение ст. 8 УК, где говорится

о моменте «расследования», поэтому получился как бы пробыл в законодательстве.

Для уточнения в применении указанной ст. УК нужно разъяснение или постановление Верховного Суда в смысле прежней ст. 222-а УПК, а именно: при наличии в деле, поступившем к следователю или находящемуся в органах дознания, данных для прекращения на основании ст. 8 УК и примечания к ст. 6 УК следователь или органы дознания направляют дело прокурору, от которого зависит или прекратить дело производством или вернуть его для дополнения дознания или направления в суд для рассмотрения. Надо предоставить суду и прокурору право отказывать в возбуждении уголовного преследования, если в поступившем заявлении или переписке будет установлено наличие ст. 8 УК. При проведении моих предложений осуществится мысль постановления Пленума Верховного Суда и внесется ясность в применении ст. 8 и примечания к ст. 6 Уголовного Кодекса.

Пом. губ. прокурора М. Черняев.

Гор. Астрахань.

Упрощение судебного процесса.

В судах в большом количестве проходят иски о признании отцовства, о средствах на содержание детей, подлежащие к рассмотрению в первую очередь, но при всем желании ускорить рассмотрение этой категории дел мы наблюдаем, что порядочное количество этих дел находится в судах по 1—2 года. Изучая вопрос, убеждаешься, что здесь нет соответствующей гибкости в законодательстве, ибо дела о признании отцовства по характеру рассмотрения их аналогичных уголовным делам, напр., истица, отыскивая отца своему ребенку, указывает, что отцом ребенка является Иванов; суд вызывает стороны к разбору дела; Иванов отрицает отцовство, доказывает, что отцом ребенка является Петров; свидетели уклончивы—ни за ни против; Иванов, дополнив свидетелей, просит дело слушанием отложить до следующего заседания; соблюдая ст. ст. 508, 166 ГПК, суд откладывает дело.

Спустя некоторое время, с вызовом дополнительных свидетелей и привлечением к делу Петрова, дело обстоит не лучше прежнего, наоборот, Петров в оправдание себя больше находит доводов, хотя бы отцом ребенка действительно являлся он.

Иванов, настаивая на необходимости дело отложить, просит дополнительно вызвать свидетелей, указывая, что доводы Петрова ложны. Таким образом, суд опять откладывает дело, дело совершенно запутывается. Между тем, через предварительное дознание оно могло бы получить истинное направление, но по гражданским делам не может быть предварительного допроса свидетелей (ст. 139 ГПК и пост. Пленума Верховного Суда—протокол № 21—1926 года, «Е. С. Ю.» № 6—1927 г.).

В практике суда нередко встречается, что свидетель в силу его низкого культурного уровня, местных бытовых особенностей ничего не скажет суду в присутствии ответчика, хотя бы он и знал что-либо по делу. Суду часто приходится откладывать дела для вызова новых дополнительных свидетелей. Таким образом, подобного рода дела не могут быть своевременно рассмотрены, а подчас и правильно решены, тогда как если бы суд имел возможность передать подобное дело на производство предварительного допроса свидетелей, дело могло бы получить совершенно другой оборот. Поэтому невольно выдвигается вопрос о допустимости для суда в исключительных случаях по делам о признании отцовства применять порядок допроса свидетелей до суда. Я думаю, что по затронутому вопросу выскажутся работники юстиции.

Нар. судья С. Швецов.

с. Ныроб Верхне-Камского округа Уральской области.

Задачи юридических консультаций.

В № 11 «Е. С. Ю.» помещена статья члена коллегии защитников тов. И. Мирякова, в которой он выносит на суд общественного мнения вопрос о том, правильно ли поступает консультационное бюро, отказывая в юридической помощи посетителям при явном отсутствии у них оснований к удовлетворению их претензий судебными и административными органами власти.

Мне кажется, что высказанная автором статьи мысль вполне правильна.

В самом деле, что представляет собою юридическая помощь консультации? Это есть оказание содействия к законному восстановлению нарушенных прав, а раз это так, то оказывающий это содействие должен быть убежден в наличии законных к тому оснований. Это не только правило, формально предписываемое законом, но и нравственная обязанность каждого консультанта вполне добросовестно оказывать юридическую помощь. Что же касается рассуждений некоторых товарищей, как это указывает автор статьи, о том, что консультация обязана удовлетворять просьбы независимо от того, имеются ли к этому основания, такой взгляд я считаю неправильным, и вот по каким соображениям: предположим, что в юридическую консультацию обращается крестьянин с просьбой написать ему кассационную жалобу или просто исковое заявление в суд. Дежурный защитник эту просьбу удовлетворяет и лишь потому, что он не вправе отказать в этом. Крестьянин же, получив повестку о назначении дела к слушанию, обращается также в консультацию с просьбой назначить ему защитника для поддержания в суде его жалобы или заявления. И уже если консультационное бюро не вправе было отказать ему в написании той или иной бумаги, то оно не вправе отказать ему и в этом. Ведь это также есть юридическая помощь. И вот представьте себе положение защитника, выступающего в суде вопреки собственным убеждениям, при полном сознании неправоты своего дела. Сказать, что он может отказаться от поддержания претензий своего доверителя, тогда к чему же сводится вся эта процедура. Домогаться удовлетворения предъявленных требований едва ли он рискнет, так как, во-первых, это претит его убеждениям, а, во-вторых, ни один защитник, уважающий закон и понимающий свое высокое назначение и ответственную роль в суде, никогда на это сознательно не пойдет, да и сам суд, в силу статьи 6 Гражд. Проц. Код., обязан пресечь всякие попытки стороны, имеющей целью затемнение процесса.

Правда, здесь есть одна отрицательная сторона этого вопроса, могущая породить нежелательные последствия отказа в оказании помощи в подобных случаях. Это возможность развития подпольной адвокатуры. Вполне возможно, что, получив отказ в оказании юридической помощи в консультационном бюро, крестьянин, которого не могли в достаточной степени убедить объяснения защитника, постарается найти выход из положения и обратится к подпольному адвокату, который за известную мзду не только напишет ему любое заявление или жалобу, но и постарается создать в нем ложную уверенность в правоте его дела. Иными словами, такой отказ бросит крестьянина в объятья подпольной адвокатуры. В этом, мне кажется, ничего особого нет, да и не может это служить для консультационного бюро поводом к удовлетворению явно необоснованных требований со стороны посетителей. Борьба же с подпольной адвокатурой должна вестись иным путем.

Член коллегии защитников В. Максюн.

Крым АССР, пос. Ички.

Чтобы говорить о безоговорочном удовлетворении требований обращающихся в юридическую консультацию, нужно не только не понимать элементарных задач юридической помощи населению, но и не знать азбучных истин адвокатской этики. Ст. 6 ГПК определенно говорит, как суд должен поступать, если усмотрит, что какая-либо из сторон злоупотребляет своими процессуальными правами. Как же называть защитника, который, скрываясь за спиной полуграмотного клиента, запутывает и затягивает дело возбуждением неосновательных ходатайств, обжалованием вполне справедливых решений и приговоров и т. п.? Нужно всегда помнить, что неосновательные ходатайства и кассационные жалобы, кроме излишнего перегружения судебного аппарата, влекут за собой излишние расходы для клиента по оплате сборов в гражданском процессе, а в уголовном могут привести к повышению меры социальной защиты, если приговор будет отменен не по мотивам, указанным в жалобе. Несомненно, все сказанное относится не только к деятелям советской защиты, но и к юридическим консультациям. Совершенно недостойно для органов, выполняющих высокие задачи по распространению юридических знаний и по борьбе с правовой безграмотностью среди населения, уподобляться сельскому грамотею, пишущему под диктовку просителя все, чего он хочет. Критическое отношение к таким просьбам здесь сугубо необходимо, ибо каждое неверное разъяснение, каждая неосновательная составленная бумага дискредитируют самую организацию, руководствующуюся лишь «благим» намерением удовлетворить всех желающих. Юридическая помощь

населению превратится в полную юридическую беспомощность консультации. Разумеется, не должно быть также безоговорочных отказов в составлении бумаг, т. к. это может привести к весьма нежелательным нареканиям. При отказе обращающемуся должна быть во вполне понятной для него форме разъяснена причина отказа, со ссылкой на действующее законодательство, а также указаны те нежелательные последствия, которые может повлечь за собой то или иное неправильное процессуальное действие.

Член коллегии защитников Н. Румянцев.

Пос. Харовская.

На поднятый тов. Миряковым вопрос мы без колебания отвечаем отрицательно.

Никакой беды нет в том, что тот или иной совет не помог или та или иная написанная жалоба не оправдалась: клиент должен знать, что ему оказана возможная помощь и что он не остался без поддержки. Если такой взгляд проводился с настойчивостью в дореволюционных организациях, то с тем большим основанием это требование должно быть признано правильным в условиях современного суда, когда в ГПК имеются статьи 2, 5, 179 и 245, а в ГК статьи 1, 4, 142 и 406, и когда решающее значение для дела имеет не формальный текст закона, а революционная законность, равно как социальное и имущественное положение сторон.

Тов. Миряков не должен упускать из виду, что современный суд решительно исключает составительное начало и добывается всеми доступными ему средствами материальной истины, а при таком положении суда, какое имеет значение ссылка его на отсутствие в деле клиента законного, в смысле формального, основания для удовлетворения его требования?

Пусть истец изменил основание своего иска, пусть он иск ограничил определенной суммой, пусть он в кассационной жалобе не привел всех соображений, пусть он, наконец, не вправе требовать от ответчика возмещения причиненного ему вреда, суд этими формальными препятствиями не стеснен, если он по существу найдет необходимым удовлетворить истца в размере, какой он признает справедливым.

Можно ли говорить, что, давая при таких условиях тот или иной совет, консультант заведомо знает, что этот совет ни к чему не приведет?

Отнюдь нет. Значит, не только подать совет, но и поддерживать на суде написанную жалобу можно с полной добросовестностью, несмотря на отсутствие формальных к тому оснований.

Не медвежьей услугой и не извращением закона в мыслях клиента является поэтому оказание ему юридической помощи при отсутствии «формальных» к тому оснований в законе, а существенным раскрытием истинного смысла закона, из которого клиент усмотрит, что законодатель не ограничивает его формальной отпиской, ему непонятной, а требует от суда в силу 5 ст. ГПК подробного выяснения его отношений к противной стороне, социального и имущественного положения его и его противника и обязывает суд изыскать всевозможные меры, чтобы притти на помощь малосознательному и неиспытанному в юридических вопросах трудящемуся.

Если это верно в отношении защиты прав гражданских, то тем более высказанные соображения имеют силу в отношении дел уголовных.

Тов. Миряков сам признает, что затронутый им вопрос в уголовных делах разрешается несколько проще, ибо как при рассмотрении дела по существу, так и в кассационной инстанции суд всегда может найти в обстоятельствах дела известные основания для облегчения участи подсудимого.

Найти эти основания и указать их суду—обязанность защитника или консультанта, к которому обвиняемый обращается за помощью.

Бездушный формализм должен быть в корне исключен и разъяснение советского законодательства должно происходить в тех широких возможностях, которые это законодательство предоставляет трудящимся массам.

С этой точки зрения не может быть речи о волокитах, будто порождаемой, по словам т. Мирякова, для учреждений неправильными либо неосновательными жалобами и ходатайствами. Гораздо важнее дать возможность всякому трудящемуся исчерпать все средства для достижения правосудия, чем прекратить ему доступ к правосудию по формальным, мало ему понятным, основаниям. Если встречаются злоупотребления, они не должны нарушать общего принципа.

Гор. Ленинград.

А. Р.

Бюрократизм, волокита и правовая безграмотность на местах.

Известно, что каждый закон имеет своей задачей конкретное мероприятие, направленное к укреплению диктатуры пролетариата. Поэтому отсутствие знаний законов у низовых работников отражается на работе, порождает волокиту, бюрократизм и т. д. Но почему-то до сего времени не было обращено должного внимания на эту сторону дела, особенно в учреждениях, непосредственно соприкасающихся с трудящимися.

Иногда даже замечаемые ошибки не дооценивались, не исправлялись. Вот взятые первые попавшиеся примеры из практики нашего Оханского района говорят красноречиво за себя:

Крестьянин - бедняк, неграмотный, платил налоги путем нищенства. Об этом говорилось райналоговой комиссии, но она отнеслась к делу формально и ничего не предприняла до тех пор, пока не указали контролирующие органы. Или крестьянину надо для лужения самовара с полфунта кислоты. Кислота есть на месте, только дать распоряжение, но его за этой бумажкой посылают в округ за 100 верст.

Райземкомиссия, не зная законов, рассматривает иск на содержание, тогда как пробует отписаться от разделов крестьянских дворов при отказе от земли. Дела затягиваются, вызывая справедливое нарекание крестьян. Кстати, одна умная голова из адмчасти округа распорядилась, чтобы решение на опись двора для раздела давалось из района. Это значит, что крестьянин должен каждый раз ходить за 30—40 верст бесцельно.

Еще пример из практики: в деревне сосед поставил близко в пожарном отношении постройки. И вот заинтересованное лицо ждет скоро год ответа на свою жалобу, но дело все так же благополучно ходит из учреждения в учреждение района.

Волокита не изжита и в других органах. При ближайшем ознакомлении с причинами этого видишь, что работники совершенно не знают законов вверенной им отрасли работы. Видя такого работника на собрании крестьян отвечающим на конкретные вопросы общими местами, думаешь: «лучше бы уж не выступал, если не знаешь своего дела».

Нашим юридическим кругам надо втянуть в свой круг актив района для ликвидации правовой безграмотности.

Надо больше уделять внимания запросам и постановлениям сельсоветов. Самое главное—это разъяснять наши законы детально на крестьянских собраниях.

Народный судья Пермского округа Уральской обл.

Бурдин.

гор. Оханск.

Порядок сдачи нотконторами сборов.

Согласно п.п. 8 и 9 циркуляра НКЮ № 13 и НКФ № 8 нотариальные конторы обязаны все поступающие сборы сдавать в кассы НКЮ не позднее следующего дня по их поступлении. Для контор, в которых сборов поступает значительные суммы, такой порядок сдачи сборов необходим и легко может быть выполнен; что же касается большинства уездных контор—выполнение этих правил иногда будет в ущерб как нотариальному учреждению, так и клиентам конторы, так как во многих уездных конторах курьеры отсутствуют, имеются конторы обслуживаемые одним нотариусом, бывают дни, когда сборы поступают в контору в сумме 1—5 рублей. Соблюдая указанные в циркуляре правила, для того, чтобы сдать эти ничтожные суммы, необходимо написать препроводительное отношение в кассу НКФ, командировать сотрудника, а где последнего не имеется, отправиться самому нотариусу, на что тратится не менее одного часа рабочего времени, происходит некоторая задержка клиентов конторы, а труд, затраченный на сдачу ничтожных сумм, гораздо ценнее той выгоды, которая получится от хранения в кассах НКФ одного—пяти рублей в течение трех—четырех дней. Я считаю целесообразным для сдачи сборов установить минимум до двадцати рублей, разрешив меньшие суммы хранить два—три дня в нотконторе.

Нотариус И. Видонов.

Гор. Кимры.

Обзор сов. законодательства за время с 15 по 21 мая 1927 г.

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР.

Торговля.

1. Пост. СНК СССР от 17 мая о мерах к обеспечению нормального хода операций по внешней торговле («Изв. ЦИК» от 18 мая, № 111) мотивировано целями обеспечения бесперебойного хода экспортных и импортных операций Союза ССР и беспрепятственного выполнения плановых заданий в области внешней торговли. Устанавливается, что заграничные операции по внешней торговле производятся торгпредствами и хозорганами лишь в тех странах, с которыми СССР имеет нормальные дипломатические отношения и в которых нашему торговому аппарату обеспечены гарантии беспрепятственного и нормального хода операций. Изъятия допускаются лишь с разрешения Наркомторга СССР по особо важным хозяйственным соображениям или в виду особенностей данной торговой операции.

Постановление отражает недавние события в нашем Лондонском торгпредстве и необходимость соответственного реагирования на эти события.

2. Пост. СНК СССР от 11 апреля о регистрации договоров чертпартии и коносаментов («С. З.» № 20, ст. 228) устанавливает регистрацию всех договоров чертпартии, а также договоров морской перевозки с обусловленным фрахтом не менее 75 фунтов стерлингов (около 750 рублей) или с грузом одного отправителя не менее 100 тонн веса в фрахтовых бюро Наркомторга РСФСР в тех случаях, когда грузы перевозятся из портов СССР за границу или из-за границы в порты СССР; также распространяется это правило на случаи перевозки грузов между портами СССР большого каботажного и между иностранными портами. Обязанность предъявления договоров к регистрации возлагается на фрахтовщика. При заключении же договора за границей между советской и иностранной сторонами обязанность регистрации возлагается на советскую сторону. Установлен сбор за регистрацию договора в размере 14% с суммы фрахта. Непредъявление или несвоевременное предъявление договоров к регистрации влечет ответственность в уголовном порядке. Таможенным органам предоставлено право не выпускать грузов из портов в случае непредъявления договоров к регистрации. Отказ в регистрации может последовать в случае явной невыгодности договоров для государства, не исключая случаев установления чрезмерной фрахтовой ставки.

Хозяйственное законодательство.

3. Пост. СНК СССР от 22 апреля об изменении постановления о сокращении административно-хозяйственных расходов государственных органов, действующих на началах коммерческого (хозяйственного) расчета и акционерных обществ (паевых товариществ), с преобладающим участием государственного капитала («С. З.» № 23, ст. 248). Немедленное сокращение расходов не менее, чем на 15%, проводится по сравнению с расходами, фактически производившимися во 2-й половине 1925/26 г., с учетом объема работ по плану на 1926/27 г.

4. Пост. СНК СССР от 22 апреля о включении неустойки в договоры подряда (поставки), заключаемые между государственным учреждением («С. З.» № 22, ст. 249), устанавливает необязательность для последних включения условия о неустойке на случай неисполнения договора.

Финансы.

5. Пост. ЦИК и СНК СССР от 18 мая о государственном налоге на сверхприбыль («Изв. ЦИК» от 21 мая, № 114) заменяет пост. ЦИК и СНК СССР от 18 июня 1926 г. о временном налоге («С. З.» 1926 г. № 42, ст. 307).

6. Пост. ЦИК и СНК СССР от 9 марта о праве местных советов устанавливать и взимать в городах: Тифлисе, Баку, Эривани, Батуме и Сухуме надбавки к цене патентов и окладам уравнительного сбора со всех торговых заведений, производящих торговлю после 23 часов («Изв. ЦИК» от 19 мая, № 112), дополняет ст. 25 пол. о мест. фин. в интересах местных средств главных городов республик, входящих в Закавказскую федерацию.

7. Пост. СНК СССР от 11 апреля о возврате местным советам внесенных ими за время после 1 октября 1925 г. отчислений от поступлений целевого квартирного налога в специальный капитал Центрального Банка Коммунального

Хозяйства и жилищного строительства («С. З.» № 20, ст. 226). Возвращение происходит путем передачи местным советам на соответствующую сумму акций Банка.

8. Пост. СНК СССР от 30 апреля об изменении постановления об освобождении посетителей зрелищ, устраиваемых Международной Организацией Помощи Борцам Революции (МОПР) от сбора в пользу обществ Красного Креста и Красного Полумесяца («С. З.» № 22, ст. 250), исключает из освобождаемых по постановлению от 13 февраля 1925 г. зрелищ и увеселений казино и лото.

Судоустройство.

9. В № 20 «С. З.» (ст. 225) опубликовано пост. Президиума ЦИК СССР от 3 декабря 1926 г. об упразднении Военно-Транспортной Коллегии Верховного Суда СССР.

Труд.

10. Пост. ЦИК и СНК СССР от 11 мая утверждено и введено в действие с 1 июня 1927 г. пост. о льготах для работников государственных учреждений и предприятий в отдаленных местностях СССР («Изв. ЦИК» от 20 мая, № 113). Тем самым объединено законодательство союзных республик по вопросу о льготах, единство которого требуется как интересам труда, так и финансовым соображениями. Льготы распространяются на всех работников, переводимых или назначаемых на работу в госучреждениях и госпредприятиях в отдаленных местностях. Из-под действия постановления изъются военнослужащие, состоящие в рядах РККА, а также случаи массовых вербовок и перебросок. Перевод на службу может происходить и по личной просьбе. Понятие отдаленной местности определяется перечнями, издаваемыми Наркоматами Труда и Финансов по соглашению с ВЦСПС, при чем эти местности разделяются на два пояса; к первому поясу относятся местности с особыми тяжелыми условиями сообщения и связи с центром, с тяжелыми климатическими условиями и с особо низким культурным уровнем населения. При переводе работников по инициативе администрации им возмещаются расходы по переезду, выдаются суточные за время переезда и дополнительно за шесть дней, единовременное пособие в размере месячной зарплаты, а также единовременное пособие в размере стоимости переезда членов семьи. По соглашению сторон размер всех выдач может быть повышен до двойного размера. В тех же пределах выплачиваются компенсации работникам, вновь приглашаемым или переводимым по личной их просьбе. Вторая категория льгот состоит в выплате работнику, увольняемому по болезни, увечью, по сокращению штатов, вследствие ликвидации учреждения или приостановки работы, а также в случае отказа работника от перевода на другую работу, либо единовременного пособия в размере месячной зарплаты (помимо установленного выходного пособия), либо возмещения стоимости переезда на прежнее место жительства. Такого же рода выдача производится и семье умершего работника. Для подачи просьбы о выдаче пособия или возмещения установлен шестимесячный срок. Работники, переводимые в отдаленные местности, пользуются процентными надбавками к получаемому окладу зарплаты: в размерах 10% по истечении каждого года работы — в местностях первого пояса, и по истечении каждых трех лет — в местностях второго пояса. Работники некоторых категорий пользуются правом на получение трехмесячного отпуска с сохранением содержания за работу у одного нанимателя в течение трех лет (в первом поясе) и пяти лет (во втором). При этом не зачитывается срок отпуска, время, необходимое для переезда; общий срок отсутствия не должен превышать шести месяцев. Научные командировки на срок от 3 до 6 мес. предоставляются работникам, занятым работой, требующей дальнейшего научного усовершенствования. Льготы по обучению детей устанавливаются законодательствами союзных республик. Заслуживает внимания разрешение вопроса об исчислении стажа, необходимого для получения многих из перечисленных льгот. Переход из одного учреждения в другое, либо перерыв службы прерывает стаж. Также разрешен законом вызвавший недоумение на практике вопрос о применении льгот к работникам, проживавшим в данной отдаленной местности до приглашения на службу. Не лишаются права на льготы работники, направляемые в города, не вошедшие в перечень отдаленных местностей, для последующего назначения в отдаленную местность в случае пребывания в указанных городах менее шести месяцев. Лица, оставившие работу по собственному желанию или уволенные по п. «г» ст. 47 Кодекса законов о труде, ранее условленного срока, обязаны возвратить полученное единовременное пособие.

11. Пост. СНК СССР от 11 апреля об упразднении Центральной Комиссии по предоставлению должностей увольняемым в запас, долгосрочный отпуск и вовсе от службы лицам начальствующего состава РККА («Изв. ЦИК» от 17 мая, № 110). Функции указанной Комиссии переданы Наркомвоенмор по соглашению с НКТруда.

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

Финансы.

1. В № 109 «Изв. ЦИК СССР» от 15 мая опубликовано пост. СНК РСФСР от 13 мая об основных положениях проведения закона о едином сельско-хозяйственном налоге в 1927/28 г. Содержание постановления будет изложено в особой статье о сельхозналоге.

2. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 27 апреля об установлении для гор. Ленинграда на 1926/27 бюдж. год местного подписочного сбора («Изв. ЦИК» от 21 мая, № 114) издано в порядке ст. 41 положения о местных финансах, так как такой сбор этим положением не предусмотрен вовсе.

Земельное дело.

3. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 4 апреля утверждена инструкция о порядке участия сельских советов в рассмотрении земельных споров отдельных граждан («Изв. ЦИК» от 19 мая, № 112). Издание инструкции мотивировано необходимостью живого содействия сельских советов для выявления бедняцких и середняцких слоев деревни, защита прав и интересов которых должна составить главную задачу земельных органов. Сельские советы в случае достижения по спорному земельному делу соглашения между сторонами до возбуждения судебного дела излагают это соглашение в письменной форме и оставляют его в делах сельсовета. Сторонам могут выдаваться копии с этого соглашения. Земельным комиссиям предоставлено привлекать к участию в случаях особых затруднений в разрешении земельных дел сельсоветы соответствующих селений. Они должны изложить земкомиссиям все подробности дела и представить свое заключение о желательной форме разрешения спора. Заключение представляется либо в письменной форме, либо устно представителями сельсовета. Последний может вступать в дело в целях правильного его освещения и по собственной инициативе. Для предоставления сельсоветам этой возможности исполкомы могут устанавливать предварительную регистрацию земельных споров в сельсоветах. Участие сельсоветов может происходить только в первой инстанции (вол- и райземкомиссии). Извещения о слушании дела посылаются сельсоветом одновременно с посылкой повесток сторонам. Не могут давать заключения от имени сельсоветов те члены их, которые почему-либо заинтересованы в исходе дела. В своих решениях земельные комиссии должны указывать, по каким причинам заключения сельсоветов ими не приняты во внимание. За сообщение ложных сведений сельсоветы и их члены несут ответственность в уголовном порядке. Право непосредственного обжалования решений земкомиссий сельсоветам не предоставлено, но они могут заявлять о своем недовольстве решениями местному прокурору, от которого зависит дальнейшее направление дела.

4. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 4 апреля утверждена инструкция о порядке оставления в пользовании бывших помещиков и прочих лиц, освобожденных от выселения, имущества, обслуживающего потребности в жилище и потребности сельского хозяйства («Изв. ЦИК» от 17 мая, № 110). Имущество бывших земельных собственников подразделяется на две категории. Имущество, обеспечивающее потребности в жилище и потребности сельского хозяйства, приобретенное трудом и на средства бывших земельных собственников после 19 февраля 1918 года, признается их собственностью и не подлежит изъятию. Вместе с тем имущество, национализированное по закону о социализации земли, если оно по совокупности с другим имуществом не превышает размера, необходимого для проживания и ведения трудового хозяйства нормального типа, также оставляется бывшим земельным собственникам. Прочее имущество подлежит изъятию. Для выяснения обеих категорий имущества составляется опись особыми комиссиями местных исполкомов, при чем имущество спорное вносится в опись условно; спор же об имуществе разрешается в судебном порядке. Постановление указывает правила для определения количества имущества и строений, оставляемых во владении бывших собственников. Постановления волостной комиссии могут быть обжалованы в вышестоящий исполком в двухнедельный срок со дня вручения их копий. Порядок работы комиссий уста-

навливается крайвыми, областными и губернскими исполкомами.

Судопроизводство.

5. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 28 марта об учете национальных особенностей при производстве расследований и при рассмотрении уголовных дел по обвинению против граждан, принадлежащих к какой-либо из горских национальностей, проживающих в автономных областях, входящих в Северо-Кавказский край («С. У.» № 35, ст. 235), издано в целях приспособления процессуального законодательства к бытовым особенностям жизни горских национальностей Северного Кавказа. Установлено уведомление органами дознания или следствия соответствующих областных прокуроров тех областей, к постоянным жителям которых принадлежат задерживаемые на территории иного округа или области. Справки о личности, в частности, о судимости обвиняемых, эти органы получают от соответствующего обл. исполкома; однако, неполучение справок не приостанавливает производство дознания или следствия. Областному прокурору соответствующей области направляется копия обвинительного заключения или постановления о передаче суду. Президиум краевого суда может передавать дела по обвинению постоянных жителей какой-либо из автономных областей в особо исключительных случаях по ходатайствам заинтересованных обл. исполкомов из одного суда в другой. Областным исполкомам соответствующих областей предоставлено право через специально уполномоченных ими на то лиц знакомиться с материалами законченного дознания и предварительного следствия, получать выписки и копии, представлять в суд свои отзывы и командировать своих представителей для защиты обвиняемых. При производстве розыска на территории соседней области или округа привлекаются к участию в нем представители местного совета; однако, такое привлечение не производится, если, по мнению органа дознания, оно облегчило бы возможность сокрытия преступников или плодов преступления.

Здравоохранение.

6. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 28 марта утверждено положение о Нар. Ком. Здравоохранения («С. У.» № 35, ст. 233). Соответственно основным функциям Наркомата в его состав входят следующие управления: 1) Административно-Финансовое, 2) Санитарно-Профилактическое, 3) Лечебное, 4) Медико-Санитарное путей сообщения, 5) Военно-Санитарное РККА, и 6) Главное Курортное. Кроме того, при Наркомздраве состоят центральная Эпидемическая Комиссия, Санитарно-Статистическая Комиссия и Совет по борьбе с проституцией. В ряду функций Наркомздрава следует особо отметить организацию и руководство санитарным делом в Республике, общее руководство мероприятиями по предупреждению эпидемических заболеваний и борьбу с ними, организацию и борьбу с социальными и профессиональными болезнями, организацию и руководство делом охраны материнства и младенчества, охрану здоровья детей и подростков, руководство общей и специальной лечебной помощью населению, общее руководство курортным делом. На Наркомздрав возложена организация медицинской помощи застрахованным, а также организация и руководство медико-санитарным делом в местах лишения свободы. Ему же предоставлено право издания постановлений, положений, распоряжений, инструкций и циркуляров по всем вопросам, отнесенным к его ведению в пределах действующего законодательства и в соответствии с директивами высших органов РСФСР.

7. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 4 апреля об установлении списка местностей, дач и строений, расположенных на территории курортов общегосударственного значения южного берега Крыма и находящихся в ведении и управлении Нар. Ком. Здравоохранения РСФСР («Изв. ЦИК» от 18 мая, № 111). Постановление это разграничивает права Наркомздрава на участки, дачи и строения на территории курортов и права местных органов.

Торговля.

8. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 28 марта о переименовании местных органов по торговле («С. У.» № 35, ст. 234) издано в связи с переименованием Народного Комисариата Внутренней Торговли в Наркомторг с соответствующим изменением функций как наркомата, так и местных его отделов. Отделы внутренней торговли носят отныне наименование отделов торговли.

Гражданский Кодекс.

9. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 27 апреля о дополнении Гражд. Код. РСФСР прим. 4 к ст. 59 («Изв. ЦИК» от 19 мая, № 112) устанавливает переход к государству имущества, не могущего быть предметом частной собственности, а равно имущества, могущего быть предметом такой собственности лишь при наличии концессии или разрешения в случае отсутствия последнего. Фактически владельцы должны передать это имущество госорганам.

В отношении промпредприятий и строений действует особый порядок.

М. Брагинский.

Из деятельности НКЮ.

Раз'яснения Отдела Законод. Предпол. и Кодиф.

О силе обязательства промпредприятий, национализация которых была осуществлена после 22 мая 1922 г.

«Согласно декрета СНК от 4/III—1919 г. о ликвидации обязательств госпредприятий («С. У.» 1919 г. № 10—11, ст. 108), национализированные предприятия освобождаются от уплаты долгов, возникших до момента их национализации, только частным лицам, кроме долгов по зарплате. Что касается долгов госпредприятий и госучреждениям, государственным кредитным учреждениям и по налогам, то судьба этих долгов регулирована декретом от 4/III—1919 г. отдельно от долгов частных лиц.

По мысли декрета, эти долги «аннулируются и взысканию не подлежат» не потому, что кредиторы лишаются своих претензий, как это имеет место по отношению к частным долгам, а потому, что все госпредприятия с 1 марта 1919 г. снабжались необходимыми средствами исключительно в порядке сметного финансирования. Отсюда следует, что, поскольку после 22 мая 1922 г. все государственное хозяйство переведено на начала самокупаемости и хозрасчета, национализированные после 22 мая 1922 г. предприятия обязаны оплатить долги госпредприятиям и госучреждениям, а равно и по соцстраху, существующие к моменту их национализации.

К изложенному необходимо прибавить, что национализированное предприятие отвечает по указанным долгам госпредприятий и госучреждений лишь в размерах действительной стоимости имущества, полученного государством по национализации».

(Раз'яснение МСНХ № 43 П. 1432 от 12/V 1927 г.)

О праве на получение патента на изобретение лицами, лишенными союзного гражданства на основании декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 15 декабря 1922 г. («С. У.» 1922 г. № 1, ст. 11).

«1. Согласно ст. 5 декрета ЦИК и СНК Союза ССР от 12/IX—1924 г. о патентах на изобретения («С. З.» 1924 г. № 9, ст. 97) правом на получение патента на изобретение пользуются как граждане Союза ССР, так и иностранные граждане.

2. Одним из последствий лишения союзного гражданства по основаниям, указанным в декрете от 15 декабря 1921 г., является конфискация всего имущества лиц, лишенных гражданства, «в чем бы то оно ни заключалось и где бы оно ни находилось» (декрет СНК 19/XI—1920 г.—«С. У.» № 18, ст. 111). Эта конфискация действует, независимо от времени появления или выявления на территории Союза ССР имущества лиц, лишенных союзного гражданства. Как видно из ст. 1-й декрета от 19 ноября 1920 г., она должна иметь применение до тех пор, пока лица, упомянутые в декрете от 15 декабря 1921 г. продолжают «скрываться за границей». А так как возможность запатентования изобретения, заявленного лицом, лишенным гражданства Союза ССР, представляет собою имущество этого лица, то надлежит прийти к заключению, что патент на заявленное им изобретение должен быть выдан на имя соответствующего государственного органа СССР (в данном случае ВСНХ), который может им распорядиться в порядке ст. 6-й постановления СНК СССР от 22 сентября 1925 г. о порядке использования конфискуемых имуществ («С. З.» 1925 г. № 71, ст. 526). Лица, лишенные союзного гражданства, не могут получить патента на изобретение и в том случае, если бы они приняли иностранное гражданство, так

как лишение союзного гражданства со всеми его последствиями, как акт советского государства, направленный на охрану действующего в нем публичного порядка, не может быть отменен действиями иностранного государства по принятию названных лиц в свое гражданство.

3. По смыслу декрета от 19 ноября 1920 г., предусмотренная в нем конфискация совершается в административном порядке, именно в порядке перехода в собственность государства бесхозяйного имущества, т.-е. постановлением того ведомства, в ведении которого оказалось бесхозяйное имущество,—в данном случае ВСНХ СССР».

(Раз'яснение для ВСНХ СССР по Комитету по делам изобретений № 43 П 401 от 13/V 1927 г.)

В Совнарком РСФСР.

Проект Таможенного Кодекса Союза ССР.

Во исполнение постановления 2-й сессии ЦИК Союза ССР II созыва от 24 октября 1924 г. (С. З. 1924 г. № 19, ст. 185) о замене таможенного устава СССР Таможенным Кодексом, Наркомторг Союза ССР составлен, в соответствии с результатами двухгодичного опыта применения Устава, проект Таможенного Кодекса Союза ССР, который был разослан на заключение правительства союзных республик.

Как видно из объяснительной записки, приложенной к проекту, Наркомторг СССР при разработке Кодекса имел в виду следующие основные соображения.

Характер международных торговых операций СССР, производимых через госорганы, делает излишним сохранение целого ряда тех стеснительных требований по пропуску товаров через таможни, какие были установлены Таможенным Уставом.

Стремление к максимальному снижению накладных расходов, устранению задержки в пропуске грузов и к построению таможенного аппарата в возможно минимальном составе сотрудников, в соответствии с реальной потребностью, приводит к необходимости установления такого порядка, который способствовал бы ускорению и упрощению таможенных операций.

Таможенный Кодекс по проекту делится на три отдела и включает в себе 162 статьи вместо 283 действующего в настоящее время Таможенного Устава.

Отдел первый Кодекса определяет организацию таможенного управления. Общая структура таможенного аппарата построена по следующей схеме: управление таможенным делом на всей территории Союза ССР принадлежит Наркомторгу СССР, осуществляющему свои задачи через входящее в его состав Главное Таможенное Управление, которому принадлежит полная власть по заведыванию всем таможенным аппаратом. Главному Таможенному Управлению подчинены его отделения, таможни первого и второго разряда и таможенные посты.

Отделениям Гл. Там. Упр., открываемым Наркомторгом Союза ССР по соглашению с правительствами союзных республик, предоставлены достаточно широкие полномочия по управлению таможенными учреждениями, входящими в район отделений.

Таможни первого разряда имеют в своем ведении таможни 2-го разряда и таможенные посты с правом как руководства, так и обследования и ревизии этих учреждений.

В области замещения должностей в таможенных учреждениях в проекте последовательно проведен принцип децентрализации, с предоставлением местным органам самой широкой инициативы в подборе и продвижении работников, при чем за центром сохраняется право санкционирования распоряжений местных органов по замещению наиболее ответственных должностей.

Таможенно-Тарифному Комитету, состоящему при Наркомторге СССР, по проекту предоставляются функции, непосредственно связанные с проведением таможенно-тарифной политики; разрешение же всех вопросов таможенно-оперативного характера возлагается на Гл. Таможенное Управление.

Непосредственное наблюдение за деятельностью таможенных учреждений в союзных республиках возлагается, наряду с Наркомторгом СССР и Главным Таможенным Управлением, на наркомторги союзных республик, к компетенции которых относятся: а) наблюдение за выполнением таможенными учреждениями в пределах союзной республики законов и распоряжений центральных общесоюзных органов по таможенной части; б) ревизия всех таможенных учреждений

данной союзной республики; в) рассмотрение и направление всех дел о конфликтах между таможенными учреждениями и местными органами союзной республики, а равно жалоб на постановления местных таможенных учреждений; г) разработка конкретных мероприятий по борьбе с контрабандой в масштабе союзной республики; д) представительство в центральных учреждениях соответствующей союзной республики по вопросам таможенного управления.

Второй отдел Кодекса устанавливает порядок производства и сущности таможенных операций. В этом отделе намечены к осуществлению наиболее значительные упрощения. Так, например, в области морской перевозки устраняется обязательность представления капитанами судов грузовых документов на привозимые из-за границы товары, и соответственно этому отпадает значительная часть взысканий, падавших ранее на капитанов судов за нарушения формального характера, связанные с перевозкой грузов; точно также исключаются взыскания по таким же нарушениям с других транспортных предприятий (жел. дор. и пр.), при чем остаются в силе только взыскания за фактически допускаемые нарушения таможенных требований. Основная таможенная операция—досмотр товаров по проекту производится вне зависимости от заявлений грузораспорядителей, планомерно самой таможней, с необходимой быстротой (в трехдневный срок), при этом исключены какие бы то ни было взыскания, связанные с досмотром и увеличивавшие таким образом накладные расходы по импорту.

В отдел второй Кодекса по проекту включены только те принудительные положения, которые имеют основное значение и полная целесообразность которых выявлена на практике; остальные же положения Таможенного Устава, имеющие инструкционный характер и в зависимости от конкретных условий могущие подлежать изменению, исключены из проекта; так, например, исключены статьи, определяющие порядок каботажной перевозки грузов, реализации товаров, техники пропуска почтовых отправок и проч.

В третьем отделе—о контрабанде и взысканиях за нее—учтены все те законодательные постановления, которые были изданы в изменение и дополнение соответствующих статей Таможенного Устава о контрабанде, как, например, об установлении взыскания за контрабанду в размере двойной стоимости товара вместо пятикратной пошлины, при чем эта часть проекта дополнена нормами, определяющими солидарную ответственность за контрабанду и ответственность юридических лиц.

Проект Таможенного Кодекса Союза ССР был рассмотрен Совнаркомом РСФСР и одобрен им с внесением в него ряда поправок.

Проект постановления ВЦИК и СНК РСФСР об изменении некоторых статей Уг. Проц. Код. РСФСР.

Совнарком РСФСР принял разработанный Наркомюстом проект изменений ст.ст. 14, 26, 27, 103, 158 и 329 Уг.Проц. Код. РСФСР.

Из приложенной к проекту объяснительной записки Наркомюста можно усмотреть, что изменение ст.ст. 14 и 329 производится во изменение постановления Совнаркома РСФСР от 16 марта с. г., принятого по отчетному докладу НКЮ о борьбе с растратами и преступной бесхозяйственностью должностных лиц; сущность этого изменения заключается в упрощении порядка рассмотрения уголовных дел с гражданскими исками: согласно принятого Совнаркомом проекта изменения ст. 14 УПК гражданский иск независимо от его размеров будет рассматриваться совместно с уголовным делом, а по проекту изменения ст. 329 передача гражданского иска для расчета по нему в порядке гражданского судопроизводства будет допускаться лишь в случаях невозможности производства такого расчета при разборе уголовного дела без отложения разбора последнего или без получения дополнительных материалов по иску.

Изменение ст. 158 УПК вызвано необходимостью пересмотра в связи с введением в действие нового Уголовного Кодекса и большего уточнения случаев применения в качестве меры пресечения заключения под стражу; наиболее существенным отличием принятой Совнаркомом редакции названной статьи от действующей является допущение возможности применения заключения под стражу в отступление от общего правила по делам о некоторых преступлениях, за которые может быть назначено лишение свободы на срок не свыше года; давая перечень статей Уголовного Кодекса, предусматривающих такие преступления, проект ограничивает его наиболее социально-опасными из этой категории преступлениями (например, кража, простой грабеж, изгото-

вление наркотических средств и т. п.) и, кроме того, устанавливает ряд условий, при наличии которых только и возможно в этих случаях применение заключения под стражу (связь с преступной средой, отсутствие постоянного места жительства и занятий, установленное уклонение от явки к следствию и суду).

Изменение ст.ст. 26, 27 и 103 вызывается необходимостью исправления нумерации перечисленных в них статей Уголовного Кодекса в связи с последним изменением этого Кодекса.

Принятый Совнаркомом проект направлен на утверждение Президиума ВЦИК.

Вопросы НОТ'a.

Информационный бюллетень Оргплана НКЮ РСФСР № 3/16.

1. Ведение нарядов.

В какой наряд следует помещать в губернской прокуратуре получаемые в виде отношений от учреждений и организаций жалобы на действия должностных лиц или учреждений (на волокиту, отказ в исполнении требования, неосновательное задержание ответа в течение продолжительного времени и т. д.)—в наряд Р48 («Жалобы и заявления») или же в соответствующий наряд, заведенный по корреспондентскому признаку?

Оргплан рекомендует такие жалобы помещать в наряд П24 (прежний Р48), который предназначен для того, чтобы заменить заведившиеся ранее некоторыми органами прокуратуры отдельные наблюдательные производства на каждую жалобу и каждое заявление. Таким образом, в наряде П24 (прежний Р48) должны быть сосредоточены все получаемые в губернской прокуратуре жалобы, за исключением тех жалоб на решения судебных органов, на основании которых истребуются дела. Внутри наряда Р24 материалы, относящиеся к отдельным жалобам и заявлениям, рекомендуется систематизировать в алфавитном порядке наименований лиц и учреждений, которыми каждая данная жалоба принесена.

В какой наряд следует поместить жалобу (или заявление) и последующую по ней переписку в том случае, когда эта жалоба принесена на решение судебного органа и на основании ее истребуется из соответствующего судебного учреждения дело и заведена карточка по ф. № 11 или 17?

По жалобе на решение судебного органа, поступившей в прокуратуру, последней заводится наблюдательное производство, в которое и помещается как сама жалоба, так и копия отношения прокуратуры, по которому истребуется дело.

2. Регистрация лиц и учреждений.

Непонятно, почему в «дополнении к инструкции по ведению делопроизводства в губернской прокуратуре» предлагается заголовок перед § 38 (22) изложить: «5. Техника регистрации лиц и учреждений на карточке по ф. № 12». В этой графе о технике заполнения карточек по ф. № 13 ничего не говорится?

В приведенную в вопросе фразу из «Дополнений» вкралась опечатка: следует читать не «на карточке по ф. № 13», а «на карточке по ф. № 3» (алфавитной).

3. Внутренняя переписка.

Следует ли пользоваться внутренней перепиской (служебными записками) в тех случаях, когда имеется возможность переговорить лично или по телефону?

Надо категорически воспретить письменное сношение по всем вопросам, которые могут быть выяснены и разрешены путем устных переговоров (лично или по телефону).

4. Регистрация гражданских дел на карточке по ф. № 17.

Где записывать на карточке по ф. № 17 выступления прокурора по данному гражданскому делу?

Отметки о выступлениях прокурора и подобного же характера отметки надлежит делать на свободных строках графы «Движение дела».

5. Регистрация уголовных дел на карточках № 11.

Где записывать потерпевших при регистрации на карточках по ф. № 11 тех уголовных дел, по которым нет лиц, привлеченных в качестве обвиняемых?

При регистрации на карточках по ф. № 11 тех уголовных дел, по которым неизвестны обвиняемые, но есть сведения о потерпевших, имена, отчества и фамилии этих последних записываются в графе «Лица, участвующие в деле», а в графе «ст. УК» против каждой такой фамилии указывается «пот.» (т.е. потерпевший).

6. Регистрация дознания.

Заводить ли в прокуратуре карточку для регистрации материала, поступившего в порядке ст. 91 УПК и направленного затем в соответствующий орган дознания, или же карточку заводите не на основании предложения пом. прокурора о приступе к производству дознания, а после того, как в прокуратуру поступит материал уже произведенного дознания?

Карточка заводится в соответствии со второй частью п. «в» § 25 «Краткого руководства» для губернских органов прокуратуры, т.е. на основании предложения пом. прокурора о приступе к производству дознания при направлении надлежащему органу дознания соответствующего материала.

7. Регистрация газетных заметок и неопубликованных газетных корреспонденций.

Следует ли указывать во второй графе второй строки («Из») карточки по ф. № 13 названия газеты в том случае, если регистрируемая на этой карточке заметка была опубликована?

Наименование органа печати должно быть указано как по отношению к неопубликованной корреспонденции, полученной из редакции газет, так равно и при регистрации напечатанных газетных заметок, при чем в этом последнем случае рекомендуется зачеркивать предлог «Из». Указание на то, опубликована ли зарегистрированная на данной карточке заметка или нет, дается в первой графе третьей строки («Опубл. №») путем проставления в этой графе даты опубликования номера данного органа печати.

Как рациональнее использовать те из карточек по ф. № 13 (для регистрации газетных заметок и неопубликованных газетных корреспонденций), которые имеют в верхней своей части красную полосу?

Оргплан рекомендует на карточках по ф. № 13, имеющих красную полосу, регистрировать те из газетных заметок и неопубликованных газетных корреспонденций, которые относятся к деревне.

Х р о н и к а.

Порядок прохождения дел в правительственных органах.

Порядок прохождения дел в высших правительственных органах был подвергнут обследованию НК РКК. На последнем заседании коллегии НК РКК были обсуждены результаты обследования.

В результате обсуждения результатов обследования НК РКК наметил систему мероприятий с целью упрощения порядка прохождения дел в высших правительственных органах СССР и повышения ответственности наркоматов за порученные им отрасли управления.

Так, упрощается порядок образования трестов и учреждений их уставов—уставы общесоюзных трестов утверждаются соответствующими наркоматами союзных республик; в ряде случаев, когда в трест выделяется имущество, находящееся целиком в ведении образующего трест наркомата, и когда образование треста не связано с бюджетными ассигнованиями, образование треста производится соответствующим наркоматом по соглашению с НКФ и т. д. ВСНХ поручается в месячный срок совместно с НКФ, НКПС и Наркомпочтелом внести в Совнарком СССР проект закона о порядке передачи имущества от одного госоргана к другому.

Созыв съездов и совещаний госучреждений Союза ССР разрешается руководителями соответствующих ведомств по соглашению с НК РКК РСФСР. Мероприятиями НК РКК предусматривается также и изменение порядка назначений.

Госплан освобождается от дачи заключений по делам, не относящимся непосредственно к планированию народного хозяйства.

Наркомторгу СССР предоставляется право выдачи организациям и предприятиям разрешения на выход на внешний рынок, если не имеется разногласий с соответствующими ведомствами; ему предоставляется также право установления

размера и сложения лицензионного сбора по соглашению с Наркомфином и ВСНХ.

ВСНХ СССР предоставляется право распределения сумм, отпущенных на финансирование отдельных отраслей общесоюзной промышленности между отдельными предприятиями этой промышленности. Перераспределение сумм, отпускаемых на финансирование отдельных отраслей общесоюзной промышленности между отдельными отраслями в пределах не более 5 проц. производится также ВСНХ по соглашению с Наркомфином. ВСНХ может также занаряживать продукты отдельных трестов и госпредприятий без вхождения в СТО в тех случаях, когда нет возражений со стороны Наркомфина и Наркомторга.

Мероприятия НК РКК предусматривают также упрощение рассмотрения ряда вопросов по Наркомфину СССР, Наркомтруду, Наркомвоенморю и т. д.

Работа коммунистов в коллегиях защитников

ЦК и ЦКК ВКП (б) пересмотрели свое постановление о работе членов партии в коллегиях защитников (см. «Известия ЦК» № 50—51 за 1926 г.) и постановили признать целесообразным лишение права коммунистов-членов коллегии защитников заниматься частной практикой («Изв. ЦК» № 12—27 г.).

Условия труда временных рабочих и служащих.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 14 января 1927 года об условиях труда временных рабочих и служащих («С. З.» 1927 г., № 9, ст. 80) устанавливает некоторые изъятия по применению общих законов о труде к соответствующим группам. Круг охватываемых законом лиц, определен в нем, только исходя из срока найма, независимо от характера выполняемых работ. Это обстоятельство при неправильном толковании закона может вызвать слишком широкое применение его, не диктуемое соображениями действительной необходимости. Поэтому НКТ СССР, ВСНХ СССР и НКПС сделали учреждениям, предприятиям и хозяйствам следующие общие указания («Труд» № 89—д. № 77 от 16/IV—27 г.):

Пост. ЦИК и СНК СССР 14 января 1927 г. может применяться к рабочим и служащим, привлекаемым для выполнения различных подсобных работ (погрузка, переноска материалов, выполнение ремонтных работ, различные работы случайного характера и т. п.), для борьбы со стихийными бедствиями и т. п.

В основных производствах и работах (как постоянных, так и сезонных) пост. ЦИК и СНК СССР от 14 января 1927 г. может применяться в случае необходимости привлечение предприятиями или учреждениями дополнительной рабочей силы, как-то: в случаях расширения перевозок на транспорте, выполнении предприятием срочного заказа, составления отчетов в учреждениях и предприятиях и выполнения других работ срочного характера.

Не должно иметь места выполнение длительных работ путем неоднократного найма работников на одну и ту же работу и увольнения в целях использования правил пост. ЦИК и СНК СССР от 14 января 1927 г.

Наем заместителей допускается для замены отсутствующих работников последовательно одного за другим (напр., при очередных отпусках), если это оговорено при найме временного работника.

Суточные при командировках в отдаленные местности.

Постановление ЦИК и СНК о командировках в отдаленные местности устанавливает жесткие нормы оплаты суточных. Нормы эти оказались, однако, недостаточными для командировок в отдаленные местности.

НКТ СССР в виду этого предлагает установить для оплаты суточных командированным в отдаленные местности 1-го пояса надбавку в размере 50%, командированным во 2-й пояс отдаленных местностей—надбавку в 25%.

ВЦСПС согласился с этим проектом.

Процент стажеров на предприятиях и в учреждениях.

Согласно недавнего постановления СНК, промышленные предприятия и торговые учреждения должны принимать на практику окончивших высшие учебные заведения. Промышленные, сельско-хозяйственные, транспортные и коммуналь-

ные предприятия принимают 1,25% рабочих, а торговые учреждения—2,5% всего числа занятых у них рабочих.

В настоящее время с мест получаются сообщения, что процент этот непосилен для предприятий и учреждений.

Ряд заинтересованных органов разработал проект уменьшения этого процента: предлагается установить для промышленных, транспортных и т. п. предприятий 0,5% и для торговых учреждений—1%.

ВЦПС согласился с этим.

Условия труда учеников.

НКТ СССР отменил изданные им ранее правила об условиях труда учеников, занятых в промышленных, кооперативных предприятиях, у кустарей и ремесленников.

Условия труда учеников должны теперь регулироваться новыми правилами, которые будут изданы ЦИК союзных республик. При этом, по указанию ЦИК СССР, в правила следует исключить пункт о том, что прием учеников производится на основании письменного договора; в течение 1-го полугодия ученичества наниматель должен предоставлять ученику питание и жилье или денежное вознаграждение; со второго полугодия ученик должен получать уже заработную плату; рабочий день ученика до 18 лет не должен превышать 6 часов в городах и 8 часов в сельских местностях; малолетние допускаются на работу в качестве учеников лишь с 14-летнего возраста, в сельских местностях—с 12-летнего.

Трудовые договоры, заключенные с учениками до настоящего времени, сохраняют свою силу до истечения их срока.

Порядок регистрации и направления на работу биржами труда.

НКТруд СССР постановил (пост. № 61 от 28/III—27 г.—«Труд» № 70) регистрировать на биржах труда следующие категории безработных: лиц квалифицированного труда, работавших по найму в течение последнего года до регистрации на бирже труда, независимо от продолжительности этой работы; лиц неквалифицированного труда, работавших по найму в течение последнего года до регистрации на бирже труда непрерывно не менее 6 месяцев; подростков и подростков (не старше 21 года)—детей рабочих и служащих; лиц, окончивших специальные учебные заведения,—высшие и средние (в том числе и школы профтехнического образования). Требования к работе по найму в течение последнего года и о продолжительности трудового стажа не распространяются на членов профсоюзов.

Сезонные рабочие регистрируются на биржах труда независимо от длительности стажа работы по найму и времени прекращения последней работы.

Все остальные категории лиц, ищущих труда, могут лишь в зависимости от состояния и перспектив рынка труда приниматься на учет биржами труда по упрощенной форме, устанавливаемой НКТ СССР.

Направление безработных на работу производится по признаку наибольшего соответствия кандидатов заявленному спросу.

При наличии равного соответствия спросу нескольких кандидатов предпочтение оказывается членом профсоюзов и лицам, приравненным к ним в отношении посылки на работу.

Предусмотренный постановлением порядок регистрации и направления на работу введен в действие на местах с 15 апреля 1927 г.

Пособия по безработице.

Союзный Совет Социального Страхования установил порядок получения пособий по безработице («Труд» № 14). Правом на пособие могут пользоваться только зарегистрированные безработные, уволенные со службы или самовольно оставившие работу, но имеющие право на получение выходного пособия (согласно ст. 47 КЗоТ). Лица, самовольно оставившие работу, приобретают право на пособие по безработице лишь спустя месяц после оставления работы. Пособие не выдается безработным, если они находятся на иждивении супругов, зарабатывающих свыше полугорной зарплаты для данной местности, или же живут на нетрудовые доходы. Лица, занятые на сезонных работах, обеспечиваются по безработице в том случае, если они во время сезона не имеют никаких других доходов.

Выдаваемые пособия подразделяются на основные и семейные надбавки, которые в общем не могут превышать половины прежней зарплаты безработного. Основные пособия разбиваются на 3 категории, в зависимости от пояса и от квалификации. Пособие по семейным надбавкам определяется в зависимости от количества членов семьи. Пособия выплачиваются для 1-й категории в течение 9 месяцев, для 2-й и 3-й—6 месяцев, для лиц, занятых на сезонных работах, пособие выдается в течение мертвого сезона не более 2 месяцев.

Порядок перемены фамилий и имен.

НКВД издал новую инструкцию (№ 131—27 г.—«Бюлл. НКВД» № 10) о порядке перемены фамилий и имен.

Регистрация актов перемен фамилий и имен производится исключительно губернскими и окружными органами ЗАГС.

Заявления о перемене фамилий и имен могут подаваться в вол., рай., уезд., окр. и губ. орган ЗАГС в письменном виде по месту жительства лиц, желающих переменить фамилию или имя. В заявлении должны быть указаны следующие сведения: фамилия, имя и отчество, социальное положение, семейное положение, место и время рождения, отношение к воинской повинности, сведения об имеющихся у меняющихся фамилию несовершеннолетних детях, их имена, год, месяц, число и место рождения, точное перечисление городов и местностей, в которых заявитель проживал в течение последних 5 лет, причины перемены фамилии, новая фамилия или имя, точный адрес заявителя.

К заявлению должны быть приложены следующие документы: копия удостоверения личности заявителя (удостоверение личности, выданное милицией или ВКВ'ом, или удостоверение с места службы, или профсоюзная книжка, или выпись о рождении, или учетно-воинский билет); справка об уплате налогов и сборов от финоргана той местности, где лицо, меняющее фамилию или имя, проживало последние шесть месяцев; подписка заявителя об ответственности за дачу ложных сведений, согласно ст. 88 УК; соответствующая сумма денег на публикацию.

Вол., рай., уезд. органы ЗАГС, получив заявление о перемене фамилии или имени, проверяют все сведения и документы, указанные в п.п. 3 и 4 настоящей инструкции и направляют все дело в соответствующий губ. или окр. орган ЗАГС.

Губернские и окружные органы ЗАГС по получении заявления о перемене фамилии или имени сообщают о том как местным, так и центральным органам, ведущим списки об уголовной судимости, а также и местному органу ОГПУ с просьбой уведомить в месячный срок, не имеется ли препятствий к перемене фамилии или имени данного лица. Указанные сообщения посылаются в вышеуказанные органы не только по месту жительства, но и в те местности, где данное лицо проживало за последние 5 лет.

По выполнении указанных требований инструкции и по истечении 2-месячного срока со дня публикации, все дело производится по перемене фамилии или имени должно быть закончено.

Основными причинами к отказу в перемене фамилии или имени могут служить: сообщения органов, ведущих списки об уголовной судимости, сообщения органов ОГПУ, протесты третьих лиц и неуважительные мотивы заявителей.

В случае отказа в перемене фамилии или имени заинтересованным лицам предоставляется право обжалования в краевые, областные адм.отделы и НКВД.

Губернские и окружные органы ЗАГС по получении от начальника адм.отдела разрешения на перемену фамилии или имени вызывают заявителя для регистрации перемен фамилии или имени в соответствующих актовых книгах. При отказе в перемене фамилии или имени заявителю посылается соответствующее извещение с указанием на право обжалования.

После регистрации (оформления) акта о перемене фамилии или имени новая фамилия или имя вносится во все акты гражданского состояния и документы, удостоверяющие личность заявителя.

Перемена фамилии одного из супругов не влечет за собой перемены фамилии другого супруга. При перемене фамилии родителей несовершеннолетние дети принимают их новую фамилию. При перемене фамилии одним из супругов несовершеннолетние дети могут принять новую фамилию только в случае согласия на то обоих родителей. При отсутствии согласия родителей вопрос об изменении фамилии разрешается органами опеки и попечительства.

При перемене имени отца несовершеннолетние дети могут принимать новое отчество по желанию родителей. Совершеннолетние дети могут принимать новое отчество в случае на то их согласия.

Присвоение фамилии лицам, не имеющим таковой (бесфамильным), производится губернскими, окружными и уездными органами ЗАГС в порядке ст. 115 Код. Законов о браке, семье и опеке только в том случае, если в записи о рождении не указана фамилия родителей.

Порядок применения органами ЗАГС статей Код. Зак. о браке, семье и опеке.

В виду массовых запросов с мест о применении в практике работы органов ЗАГС ст.ст. 3, 5, 28, 29 и 115 Кодекса Законов о браке, семье и опеке Нар. Ком. Внутр. Дел сообщим местам (ц. № 77 от 24/II—27 г.—«Бюлл. НКВД» № 6):

Согласно ст. 3 Код. Зак. о браке, семье и опеке, в соответствии со ст. 5 указанного Кодекса, лица, состоящие в фактическом браке, могут при оформлении этого брака путем регистрации в органах ЗАГС сделать заявление с указанием срока их фактической совместной жизни. Заявление вносится в графу «особые отметки» в следующей форме: «в браке состоят с такого-то времени».

Фактическое сожителство ранее достижения брачного возраста не может быть признано браком, а потому органы ЗАГС при регистрации брака никаких отметок в актовой записи о браке по заявлению брачующихся об их фактическом сожителстве до достижения ими 18-летнего возраста делать не должны. Ст. 3 Кодекса на указанные случаи не распространяется.

Согласно ст. 28 Код. Зак. о браке, семье и опеке, заявления об отце ребенка могут подаваться матерью в любое время и после рождения ребенка. Срок подачи таких заявлений не ограничен.

Согласно ст. 23 Код. Зак. о браке, семье и опеке, в том случае, когда от отца ребенка, указанного матерью, поступит возражение, органы ЗАГС обязаны вызвать мать, сообщив последней, что она может возбудить спор о признании отца ребенка в порядке ст. 30 Код.

Согласно ст. 115 Код. Зак. о браке, семье и опеке, исправление в записях актов гражданского состояния может производиться по предписанию губ., окр. и уездных органов ЗАГС при отсутствии спора заинтересованных в акте лиц и на основании документальных данных, заслуживающих доверие, если представление таковых является необходимым.

Изменение гражданства лиц, состоящих в разногражданстве, при заключении между ними брака.

Статьей 8 Код. Зак. о браке, семье и опеке установлено, что при регистрации брака лица, состоящего в гражданстве РСФСР, с лицом, состоящим в иностранном гражданстве, каждое из них сохраняет свое гражданство. Изменение гражданства этих лиц может последовать в упрощенном порядке, установленном союзным законом.

В связи с этим НКВД постановил (ц. № 82 от 27/II—1927 г.—«Бюлл. НКВД» № 6), что, на основании ст. 132 Код. Зак. о браке, семье и опеке, лица, состоящие в иностранном гражданстве, регистрирующие брак как между собою, так и с гражданами Союза, должны представить при заявлении документы, удостоверяющие их личность, а именно: виды на жительство для иностранцев или лиц, заявляющих себя иностранцами, выдаваемые административными отделами, или другие документы, служащие для иностранцев, согласно положению о видах на жительство для иностранцев (цирк. № 572 от 31 октября 1925 г.), основанием для проживания в пределах РСФСР.

Лицам, состоящим в разногражданстве советском и иностранном, надлежит указывать, что при заключении брака с 1 января 1927 г. впредь до издания союзного закона в развигии ст. 5 положения о союзном гражданстве, переход в гражданство РСФСР в упрощенном порядке иметь места не может; таковой переход может последовать только в общем порядке, согласно ст. 7 положения о союзном гражданстве («С. З.» 1924 г. № 23, ст. 202), путем подачи на имя президиума губисполкома или Президиума ВЦИК в зависимости от социальной категории лица, желающего перейти в гражданство РСФСР, заявлений через краевые, областные, губернские, окружные и уездные административные отделы.

Ответственность за нарушение обязательных постановлений НКПС.

В связи с включением в Уголовный Кодекс редакции 1926 г. прежней ст. 218, предусматривавшей неисполнение или нарушение правил, установленных законом или обязательным постановлением для охраны порядка и безопасности движения по сухопутным, водным и воздушным путям сообщения, судебный порядок преследования отпал и другого, связанного с применением принудительного взыскания, наложенного органами Нар. Ком. Путей Сообщения штрафа или заменой штрафа принудительными работами, законом не установлено.

В целях недопущения совершения административными отделами действий, связанных с превышением предоставленных им прав, Нар. Ком. Внутр. Дел разъясняет (ц. № 127 от 31/II—1927 г.—«Бюлл. НКВД» № 10), что административным отделам не следует принимать к своему производству дел о лицах, нарушивших или не исполнивших обязательных постановлений Нар. Ком. Путей Сообщения и уклонившихся от уплаты штрафа, а поступившие из судебных органов дела вернуть последним.

Ответственность за нарушение правил о порядке открытия предприятий полиграфической промышленности.

В виду упразднения в Уголовном Кодексе ред. 1926 г. ст.ст. 118 и 226 ранее действовавшего УК, Нар. Ком. Внутр. Дел объявляет (ц. № 72 от 22/II—27 г.—«Бюлл. НКВД» № 6) новую редакцию ст. 13 инструкции НКВД 1926 г. № 422 («Бюлл. НКВД» 1926 г., № 28):

«За нарушение правил открытия и эксплуатации печатных предприятий, а также за непредставление предприятиями по производству и торговле предметами полиграфического оборудования и печатными предприятиями установленной отчетности, лица нарушившие привлекаются к ответственности по ст. 190 УК (ред. 1926 г.).»

Вопрос об ответственности по ст. 190 УК согласован с НКЮ.

Разъяснения по патентному праву.

Комитет по делам об изобретениях разъяснил («Вестн. Ком.» № 11):

Принимая во внимание: 1) что патентные права на изобретение являются имуществом, переходящим по наследству (ст. 10 закона о патентах), 2) что в случае неяви наследников, а равно в случае отказа наследников от наследства, имущество признается выморочным и поступает в распоряжение соответствующих органов государства (ст. 433 Гражд. Код.), признать, что в случае смерти одного из соавторов, не оставившего после себя наследников, патент выдается на совместное имя оставшихся в живых соавторов и того органа государства, который будет указан судом в порядке охраны наследства.

Принимая во внимание: 1) что установленное ст. 37 инструкции к закону о товарных знаках исключение из общего порядка обжалования отказов по ст. 9 постановления о товарных знаках с предоставлением права судебного иска вызвано соображениями нерациональности возложения на Комитет или один из его органов окончательного решения вопроса преждепользования, что может быть лучше выяснено судом путем опроса свидетелей или другими средствами, и 2) что при решении вопроса в порядке ст. 5 вводного постановления момент преждепользования значения не имеет, а существенным является время заявки знака в одной из союзных республик, что может быть точно установлено Комитетом на основании имеющегося у него материала, признать, что в случае отказа в регистрации знака по ст. 5 вводного постановления к закону о товарных знаках должен быть соблюден общий, предусмотренный ст. 4 вводного постановления порядок обжалования отказов в совет по рассмотрению жалоб при Комитете.

Взимание платы за регистрацию сделок купли-продажи строений, находящихся на землях трудового пользования.

Отчуждение строений, находящихся на землях трудового пользования, по желанию сторон, производится в нотариальном порядке, с обязательным лишь зарегистрированным затем нотариального акта купли-продажи в волсполкоме (цирк.

НКЗ, НКФ, НКВД, НКЮ по НКЗ от 14 января 1925 г. № 29/6—33 и по НКЮ от 12 января 1925 г. («С.-Х. Ж.» 1925 г. № 4).

Наркомзем, по соглашению с НКФ и НКЮ, разъясняет (ц. № 117/27—33 от 9/IV—27 г.) ВИК'ам (РИК'ам), что они не должны взимать никакой платы при регистрации сделок по отчуждению строений в сельских местностях, обремененных в нотариальную форму. В отношении техники регистрации таких сделок ВИК'ам (РИК'ам) предлагается в разделе 6-м отреза регистрационной книги, указанной в ст. 3 циркуляра НКЗ за № 29/6—33 от 14 января 1925 года, делать отметку, в какой нотариальной конторе и за каким номером записана эта сделка.

Взимание платы за пользование недрами.

ВСНХ СССР и НКФ СССР издана инструкция (№ 343 от 13/I—27 г.—«В. Ф.» № 15) о порядке взимания платы за пользование недрами в порядке ст. 34 пол. о недрах земли и разработке их (пост. ЦИК СССР от 13/VII—23 г.). Согласно инструкции за пользование недрами в зависимости от характера производства горно-промышленных работ горнопромышленники уплачивают государству, помимо установленных налогов, следующие сборы и платежи:

При производстве разведочных работ — разведочный сбор. При разработке месторождений на правах первого открывателя (в порядке ст. 13 полож. о недрах): погектарную плату и долевое отчисление. При разработке месторождений на правах арендаторов (в порядке ст. 25 положения о недрах): погектарную плату и арендную плату.

Инструкция подробно устанавливает ставки оплаты пользования недрами.

Предусмотренные инструкцией платежи за пользование недрами, не внесенные горнопромышленниками в указанные в ней сроки, перечисляются в недоимку в порядке и в срок, установленные постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 сентября 1926 г. о распространении правил положения о взимании налогов на взыскание невнесенных в срок платежей по некоторым категориям государственных неналоговых доходов» («Изв. ЦИК № 237—1926 г.») и подлежат на основании последнего взысканию в бесспорном порядке вместе с соответствующей пеней, начисленной в размерах, установленных инструкцией.

Сборы за хлебный арбитраж.

НКТорг и НКФин СССР установили сборы за хлебный арбитраж (пост. от 4/II—27 г.—«Сов. Торг.»):

1. При возбуждении дел в хлебных арбитражных комиссиях жалобщик обязан уплатить следующие сборы, вносимые им при подаче заявления об арбитраже: при подаче жалобы по поводу инспектирования партии зерна или продуктов переработки (мука, крупа) по 1 р. с тонны, но не свыше 200 р. с каждой однородной партии; при подаче жалобы по поводу определения степени заражения складочного помещения—15 руб. с полезной емкости помещения до 200 тонн и по 10 к. за каждую излишнюю сверх 200 тонн, но всего не свыше 300 руб.; при подаче жалобы по поводу определения степени заражения тары—по 0,5 коп. с каждой единицы тары.

Сбор за арбитраж вносится в кассы Наркомфина и зачисляется на депозитный счет соответствующей хлебной арбитражной комиссии. По окончании арбитража сбор обращается в доход казны по смете Наркомторга СССР, если спор разрешен не в пользу жалобщика, или же возвращается обратно жалобщнику при разрешении спора в его пользу.

Расходы по вызову свидетелей, вознаграждению экспертов и проезду членов комиссии для осмотра на месте покрываются жалобщиком в размерах, соответствующих действительным расходам, определяемым хлебными арбитражными комиссиями. За выдачу выписок, справок и прочих документов из дел хлебных арбитражных комиссий взыскивается сбор в размере 20 коп. за страницу. Суммы, поступающие в уплату этого сбора, обращаются в доход казны.

Раз'яснения по гербовому сбору.

НКФин СССР раз'яснил (ц. № 278 от 8/II—27 г.—«В. Ф.» № 17):

Аviso по кредитованию текущих счетов свободны от гербового сбора и подлежат ему лишь в том случае, если теряют свой осведомительный характер, являются единственными документами, удостоверяющими прием денег на текущий счет, и заменяют собою квитанцию, билеты, расписки

или записи в расчетные книжки клиентов, как то имеет, напр., место в практике некоторых учреждений, отменивших выдачу своим клиентам как квитанций, так и расчетных книжек. В тех же случаях, когда посылка авизо производится наряду с выдачей квитанций или записем в расчетные книжки клиентов (хотя бы и до этого), авизо, как не заменяющие документов, предусмотренных § 36а Табели к Уставу о гербовом сборе, должны считаться свободными от оплаты этим сбором.

Заключение и расторжение договоров с религиозными объединениями на бесплатное пользование молитвенными зданиями и культовым имуществом и учет религиозных объединений.

НКВД и НКЮ раз'яснено—циркуляр НКВД от 15 апреля 1927 г. № 153—«Бюлл. НКВД» 1927 г. № 12 (в дополнение и изменение инструкций: НКЮ от 24 августа 1918 г. «о порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви»—«С. У.» 1918 г. № 62, ст. 685, и НКВД и НКЮ от 27 апреля 1923 г. «о порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых»—«С. У.» 1923 г. № 37, ст. 384) следующее:

Молитвенные здания и культовое имущество передаются по договору в бесплатное пользование верующих вол (рай) исполкомом и горсоветом, на территории которого расположено здание культа; договор, а также опись передаваемого имущества составляются и подписываются в 2 экземплярах, один из которых передается лицам, подписавшим договор, а второй хранится в делах вол (рай) исполкома или горсовета, передавшего здание и имущество культа в пользование верующих; передача производится представителями вол (рай) исполкома или горсовета в бесплатное пользование всех верующих в лице так наз. «групп верующих»—«двадцаток», или религиозных обществ—«пятдесятков», подписывающих договор, при чем число лиц, подписывающих договор, не может быть менее 20 человек.

Уставы религиозных обществ, возникающих в порядке инстр. НКЮ и НКВД от 27 апр. 1923 г., утверждаются губ. (обл., окр.) адм.отделом; для открытия своей деятельности, религ. о-ва обязаны зарегистрировать устав по месту своего нахождения в соответствующем губ., обл. (автоп. области), окр., уездном адм.отделе или в районном адм.отделении, или в ВИК'е или в горисполкоме заштатного города; заявление о регистрации устава оплачивается гербовым сбором в размере 2 руб. (заявление о регистрации, подаваемые в ВИК или РИК, от оплаты герб. сбором освобождаются).

Право расторжения договора, заключенного вол. (рай) исполкомом или горсоветом о передаче здания и имущества культа верующим, принадлежит только краевому, областному или губернскому исполкому; в случае обжалования постановления краевого (обл., губ.) исполкома о расторжении договора, фактическое изъятие здания и имущества культа от группы верующих или религ. о-ва производится лишь после разрешения этого вопроса Президиумом ВЦИК.

Учет всех религиозных объединений производится вол. (рай-) исполкомами и горсоветами; сведения о количестве религиозных объединений сосредоточиваются в губ. (обл., край) исполкомах и в НКВД.

По союзным республикам.

Прокуратура и селькоры Нагорного Карабаха (Армянская ССР).

Прокуратура АОНК сейчас поддерживает тесную связь с 20 селькорами. Все наши обращения к остальным селькорам создать такую же связь, к сожалению, остаются на бумаге. Несмотря на такое отношение, все же приходится констатировать факт громадных достижений этой связи в смысле проведения и укрепления революционной законности на селе. Связь с селькорами прокуратура поддерживает не только через редакции газет, но в большинстве случаев товарищескими письмами.

В письмах на имя прокуратуры селькоры не только разоблачают преступных элементов, но они дают одновременно картину положения села, района и так далее.

Благодаря таким письмам прокуратура бывает в курсе жизни сельсовета, кресткома, кооператива и т. п., организаций, действующих на селе, и соответственно принимает меры к ликвидации того или иного дефекта в работе этих организаций через вышестоящие однородные органы.

О результатах и о предпринятых мерах по их сообщениям селькоры ставят в известность посредством товарищеских писем; таким образом, исполнение предписаний,

предложений и указаний прокуратуры одновременно на месте ставится под контроль и самого селькора, сообщившего сведения.

Селькоры, поддерживающие связь с нами, используются также для работы в организованных справочных столах, при кресткомах, по оказанию бесплатной юридической помощи крестьянам, при чем в большинстве они входят в качестве членов в справочное бюро при этих столах.

Ведется также работа по поднятию культурного уровня знаний селькоров.

Чтобы их более приспособить для борьбы с нарушениями революционной законности, прокуратура с начала IV квартала 1926 г. рассылает инструктивные письма, посредством которых разъясняет декреты и статьи кодексов, тесно сопряженные с их работой на селе.

Во всех кампаниях, какие проводятся прокуратурой, селькоры принимают активное участие, проводя в жизнь все директивы и мероприятия ее на местах.

Ближайшей задачей прокуратуры является создание такой же связи и с остальными селькорами, используя их в борьбе за революционную законность, усилить инструктирование их по правовым вопросам, втягивая одновременно в массовую общественную работу.

Прокуратура надеется, что ей удастся, и мы все больше и больше общими усилиями поставим на должную высоту дело по внедрению революционной законности.

В. Мелкумян.

Гор. Степанакерт.

По автономным республикам.

Прокуратура и рабселькоры.

(В Каракольском округе Киргизской А. С. С. Р.).

Работа прокуратуры в области расследования по частным заметкам улучшается не только в смысле технического расследования по ним, но она улучшается и тем, что прокуратура начинает иметь живую связь с работниками посредством устройства с ними групповых персональных бесед, которые дают возможность рабселькору крепче стоять на своем посту, зная о том, что первый его защитник от всяких посягательств на него — прокурор, а также может получить для газеты тот или иной материал, имеющий общественный интерес.

После нескольких бесед рабкоры изъявили желание созвать окружное совещание рабселькоров с прокуратурой, но в виду большой территории округа, этого сделать не удалось.

Селькоры на селе также стремятся завязать связь с прокуратурой и однажды при выезде по округу в одном из сел в беседе заявили, что иногда очень долго расследуются их заметки, пока органы дознания хватятся, преступлению и след замаяли, поэтому возможно неподтверждение фактов, изложенных в заметке. Один из селькоров внес такое предложение: «не лучше ли будет заметки, разоблачающие преступление, посылать раньше в прокуратуру, которая принимает все меры по содержанию заметки и затем посылает в редакцию».

С этим предложением согласились и другие селькоры, после чего в прокуратуру поступило несколько рукописей, которые незамедлительно были отосланы в редакцию.

По моему мнению, это предложение заслуживает внимания, и, несомненно, такой способ, благодаря быстроте расследования «по горячим следам», даст большой процент подтверждений этих заметок.

Еще несколько слов об учете селькорских заметок.

У нас дело поставлено так. В газете появляются заметки. Окружной прокурор, получив газету, поручает расследовать, а через несколько дней поступает предложение прокурора области с выпиской из газеты «для расследования». По моему мнению, такие взаимоотношения прокурора области с облпрокуратурой в корне неверны, т. к. лишь создают бумажную волокиту и непроизводительную трату рабочего времени, кроме того, влекут за собой двойную статистику. Прокурор области у себя регистрирует при посылке окружному прокурору, и окружная прокуратура тоже ведет статистику о движении заметок и дает сведения в периодических отчетах; таким образом, одна заметка регистрируется в двух местах, и тем самым удваивается количество.

По моему мнению, такой параллелизм надо устранить; инициативу возбуждения исследований по газетным заметкам в округе (кантоне) надо оставить за соответствующим помпрокурором.

В практике по общему надзору мне приходилось делать так, что по поступающим с мест в облпрокуратуру газетам я только обращал внимание соответствующего помпрокурора на заметку и то не на каждую, последний отвечал, что им предпринято. По моему мнению такой способ не лишает инициативы участкового помпрокурора и обязывает его следить за печатью, а не ждать, когда облпрокурор ему предложит.

А. Иванов.

Киргизская АССР.
г. Каракол.

На местах.

По юридическим консультациям профсоюзов Московской губ.

Основными задачами, над которыми работает юрчасть Мосгуботдела профсоюза рабочих химиков, являются следующие: 1) Ведение судебных дел членов союза. 2) Консультация по всем вопросам права. 3) Обслуживание отделов союза. 4) Обслуживание предприятий химической промышленности Московской и части Владимирской губ. (Александровский у.—2 стекольных и 1 фарфоровый заводы). 5) Дача заключений по всем колдоговорам, правилам внутреннего распорядка и табелям взысканий. 6) Инструктирование рабочей части РКК, путем предварительной дачи заключений по всем протоколам РКК (132 предприятия со средним числом 4—5 протоколов в месяц) и вызова рабочих частей РКК заводов одного производства (резина, жирность, краски, стекло, фарфор, аптеко-военно-химическая промышленность, т.-е. пороха и взрывчатых веществ и др.) для совместного обсуждения этих заключений. 7) Лекции и выезды на заводы по вопросам права. 8) Наблюдение за предприятиями, особенно частными, в отношении исполнения колдоговоров, о привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в их нарушении, и выступление в судах в качестве общественных обвинителей. 9) Выступление в уголовных процессах на стороне обвинения по ордеру трудовой прокуратуры. 10) Постановка перед МГСПС, ЦК химиков и НКТ вопросов трудового права, не разрешенных в законе, либо спорных, и 11) выполнение судебных решений.

Инструктирование рабочих частей РКК устраняет многие конфликты и устанавливает самую тесную связь заводских организаций и юрчасти.

Для разрешения трудовых конфликтов, представители юрчасти выезжают на заводы, где знакомятся с производством, после чего юрчасть дает указания как аргументировать возникающие конфликты.

Обсуждение работы РКК в юрчасти путем вызова представителей РКК (рабочих частей заводов) по признаку производства связывает и объединяет работу РКК на заводах одного производства и создает одну линию союза.

Профсоюз химиков в настоящее время решил вызвать на совещание хозяйственников для обсуждения работ РКК, ее ненормальностей и дальнейшего развития, при чем проект выработки тезисов поручен юрчасти.

Чрезвычайно важное значение имеет ведение земельных дел рабочих провинциальных заводов (крестьян), чем осуществляется смычка города с деревней.

В центре работы юрчасти сейчас рассмотрение чисто-тарифных вопросов, с юридической точки зрения (оплата сдельщиков, установление расценок и т. д.).

Исходя из соображений, что признание прав судом без осуществления их на самом деле не отражает в полной мере интересов правосудия, юрчасть принимает через своих представителей активное участие в делах исполнения судебных решений, влияя на правильное разрешение судебными исполнителями на местах спорных вопросов о фактическом владении имуществом, фиктивном переукреплении последнего и т. д.

Ряд частных предприятий описывается союзом за долги рабочим. Продукция их на торгах часто не продается вовсе, вследствие отсутствия покупателей, либо ее стремятся купить специальные скупщики посредством стачки на торгах, поэтому юрчасть практикует посылку своего представителя на торги и в порядке 315 ст. ГПК оставляет имущество за собой, которое затем распродает, привлекая для участия в продаже комиссию, выделенную из заинтересованных рабочих. Продавать приходится, главным образом, госучреждениям разными путями: за наличные и часто под векселя. Продажа происходит также через банк (Всекобанк, главным образом). Полу-

чая векселя (госучреждений—покупательские), союз учитывает их или ждет сроков, а, если векселедатели иногородние, инкассирует их через банки.

Продажи бывают и через банки путем инкассации дубликатов. Юрчасть вызывает иногда в Москву оставленный за союзом на торгах товар, который продает с рельс в Москве («дубликат на предъявителя»): такие продажи были в Перми (мыло), в Тифлисе (фарфор), в Ташкенте (электрфарфор), в Харькове и т. д. Были продажи целых фабрик (частных) на ходу госучреждениям (Бронницкому Промкомбинату).

Деятельность юрчасти за 1926 г. Консультации (со включением дел): трудовые—письменных 3.780, устных 1465; профессиональные—письменных 5, устных 3; уголовные—письменных 650, устных 243; гражданские—письменных—1100, устных 562; жилищные—письменных 1053, устных 911; земельные—письменных 91, устных 35; административно-финансовые — письменных 88, устных 39. Всего—письменных 6767, устных 3258, что дает в среднем по 33 консультации в день.

Выступление в судах: всего 626 (449 дел). Удовлетворено дел полностью 269 и частично 29. По уголовным делам: удовлетворительные результаты по 8, неудовлетворительные по 2. Отложено 233 дела, отказано по 79 делам, приостановлено 6 дел. Присуждено всего 127.048 р. 09 к., из коих: членам союза—82.193 р. 70 к., союзу процентные отчисления—40.843 р. 08 к. и союзу за ведение дела—4.011 р. 31 коп.

Другие работы, выполненные юрчастью за 1926 г.: выездов на заводы было 54, выездов по судебным делам 42, дано заключений к правилам внутреннего распорядка и к табелям вызываний по 75 заводам.

Правление Мосгубдела профсоюза рабочих химиков, признав в 1926 г. (протоколы №№ 9 и 22), что работа юрчасти, являясь вполне удовлетворительной, возрастает в связи с изменившейся обстановкой в конфликтах (новыми законами) и новым экономическим бытом (например: режим экономии), приняло следующие постановления:

1) просить президиум МГСПС принять меры к разгрузке и упорядочению работы в конфликтном отделе труда, так как наблюдающаяся перегруженность этого органа вызывает опасения правильности вынесенных решений, и

2) просить президиум МГСПС обратить внимание на ненормальность работы особой сессии по трудовым делам, выражающейся, главным образом, в чрезвычайной загруженности судей делами, что влечет за собой, во-первых: недостаточно тщательное и следовательно неправильное разрешение трудовых дел, часто отменяемых высшей инстанцией, и, во-вторых: непроизводительную потерю времени юрисконсультами союза, ожидающими часами очереди для выступления по делам.

Л. Я.—ч.

Совещания судебных работников.

Основными вопросами на совещании судебных работников Угличского у. Ярославского губ., которые вызвали большой интерес со стороны участников и оживленные прения, были: «о правовой работе в деревне» и «о карательной политике».

Докладчик по первому вопросу и выступавшие в прениях отметили, что работа по популяризации права требует особого внимания, ибо деревня жадно ищет ответа на набравшие вопросы, в особенности земельные и лесные; большой интерес проявляют крестьяне к докладам на правовые темы, часто сами просят высылать докладчика по юридическим вопросам, но удовлетворить все запросы не представляется возможным за отсутствием сил. Пока единственными проводниками правовых идей в широкие слои населения являются судебные работники, но количественно их слишком мало для того, чтобы поставить работу по популяризации права по всему уезду на должную высоту. Органы милиции и лесные, как непосредственно соприкасающиеся с крестьянскими массами, должны бы помочь в области пропаганды права, но, перегруженные своими служебными обязанностями, к тому же мало квалифицированные, правовой работы в деревне они почти совсем не ведут. Большим тормозом в работе является также неимение средств на передвижение в отдаленные селения уезда. Однако, несмотря на значительные трудности,—отсутствие материальных средств, скудость юридической литературы и недостаточность сил,—работа все же проделана большая: судебные работники провели в уезде кампанию по переизборум народных заседателей, поставив на них 87 докладов, выезжая в сессии, вели собе-

седования на массовых собраниях крестьян; развились также деятельность руководимых народами уездбюро и волбюро, которыми за полугодие поставлено 88 докладов по различным правовым вопросам.

Задачей момента для работников юстиции в их деятельности является всемерное усиление работы по популяризации права в деревне, на них, как более квалифицированных силах, лежит обязанность руководить и направлять работу по пропаганде права, для чего через уездбюро и волбюро они должны связаться с органами милиции, лесными органами, избами и другими культурными силами в деревне и дружными усилиями стремиться к ликвидации правовой безграмотности и проведению в гущу крестьянских масс идей революционной законности.

В соответствии с прениями совещание в принятой по докладу резолюции, констатируя, что за истекший период работа по оказанию юридической помощи и по популяризации права значительно подвинулась вперед, признало необходимым: еще более усилить деятельность уездбюро и волбюро, приняв все меры к вовлечению в активную работу культурных сил в деревне; увязать работу волбюро с домами крестьянина, избами-читальнями, контролируя их справочную работу и давая инструктивные указания; для поднятия квалификации работников суда и милиции усилить работу юркружка при уполномоченном губсуда и при наличии к тому возможности организовать юркружки по волостям.

По докладу «о карательной политике» совещание остановилось на понижении санкций по большинству статей Уголовного Кодекса в редакции 1926 года: диктуется оно последовательно проводимым рабочим классом принципом экономии карательных мер. По мнению выступавших участников совещания, не следует, однако, полагать, что снижение мер социальной защиты может повлечь за собой рост преступности. Применение суровых карательных мер, как доказал многовековой опыт, не столько устрашает лиц, способных по своему антиобщественному настроению к совершению преступлений, сколько от правонарушений их воздерживает большая вероятность раскрытия преступного деяния; поэтому должна быть поставлена на надлежащую высоту работа органов следствия и дознания. Особенное же значение в области изживания преступности приобретает неуловимо проводимая советским государством система мероприятий по поднятию экономического благосостояния и культурного уровня населения, в частности, немаловажную роль играет работа по внедрению в широкие трудящиеся массы идей революционной законности. Совместное стремление пролетарского государства и всей советской общественности к ликвидации тяжелого наследия прошлого—нищеты и невежества масс—этих основных факторов преступности, является наиболее действенным средством в борьбе с нарушением установленного революцией правопорядка, и сама собой отпадает необходимость применения к правонарушителям суровых карательных мер.

Совещание высказало мысль, что суд, применяя ту или иную меру социальной защиты из предусмотренных УК, должен ее индивидуализировать, учитывая, насколько применение ее к данному лицу может достичь цели исправления правонарушителя, воздержания его от повторения посягательств на установленный правопорядок. Неодинаковый подход должен быть к лицам, сознательно совершающим преступления и нарушающим законы советского государства в силу классовой психологии или прежних классовых навыков и к тем, кого толкнули на путь преступления тяжелые материальные условия, темнота и некультурность.

Подводя итоги прениям, в резолюции по докладу совещание указало, что при разрешении уголовных дел особенно важно проявить максимум понимания тех общих целей, которые поставил себе рабочий класс, проводя свою карательную политику, от искусства применения той или иной уголовной меры к многообразию жизненных явлений зависит, насколько будет достигнута основная цель—защита общества от социально-опасного элемента.

По докладу о работе нарсуда обращено внимание на необходимость в целях приближения суда к населению организовать в уезде новую камеру нарсуда, увеличить количество выездных сессий и показательных процессов. Отмечая медленность прохождения дел с момента их поступления до момента рассмотрения, совещание предложило принять меры к скорейшему разбору дел.

По докладу наследователя совещание указало на всю важность в целях поднятия квалификации низовых органов дознания и лесной стражи планового обследования и инструктирования их, согласовав эту работу с уездной милицией и уголовным розыском.

По докладам с мест обращено также внимание на усиление судебными работниками популяризации права.

По докладу представителя губсуда совещание отметило большое значение для уяснения действующего законодательства ппзовыми судебными работниками издаваемых касс-коллекциями инструктивных писем по вопросам материального процессуального права и вынесло пожелание о расширении работы по изданию инструктивных писем. Для поднятия квалификации судебных работников совещание признало необходимым организацию в Ярославской губ. юридических курсов и поручило президиуму губсуда возбудить этот вопрос перед соответствующими органами.

И. Ц.

г. Ярославль.

В повестке дня совещания судебных работников Астраханской губ. давно назревшие вопросы. Наиболее из них: о борьбе с обловом, с растратами, с хулиганством и скотокрадством; работа следственного аппарата; юридическая помощь деревне и, самое главное, организационная работа в камере судьи и следователя. Кроме этих вопросов, на совещании были подведены итоги кассационной практики по уголовным и гражданским делам, проработан Уголовный Кодекс редакции 1926 года.

Астраханская губерния—рыбный край. В дельте р. Волги, в приустье Каспийского моря, колоссальные запасы рыбы. Эксплуатируются рыбные богатства по плану. Не везде-то можно ловить, не всяким орудием лова. Если бесконтрольно выплывать рыбу, богатства надолго не хватит. Это осознают и ловцы, но . . . все таки-ловят. Такие хитники по-местному зовутся «обловщиками» и судятся по ст. 86 У. К.

1926 год дал наибольшее количество обловщиков. Составлено и направлено в суды около 2.500 протоколов. Некоторые суды получали в месяц до 300 дел. Облов вошел в привычку. Местные органы власти, народный суд привыкли к обловщикам и уж не считают их преступниками. За вылов рыбы на 100—200 рублей давали штраф 3—5 рублей. Нередки случаи, когда народный заседатель-ловец из-за судейского стола, пересаживался на скамью подсудимых. Тут же, на одном и том же судебном заседании, совещание решило: в интересах сохранения рыбных богатств края, необходимо применять к обловщикам более решительную меру социальной защиты.

По характеру своему нарушения правил рыболовства незначительны и просты. Совещание высказалось за разработку вопроса, и за изменение подсудности ст. 86 У. К. Высказывались две точки зрения: или передать эти дела административным органам для наложения административных штрафов или рассматривать их в порядке ст. 25 УПК. Сторонников первого предложения больше. Этим мероприятием достигается быстрота рассмотрения дел, удешевление и разгрузка судебного аппарата. Статья 86 может быть сохранена в УК и должна предусматривать наиболее существенные виды нарушения правил рыболовства. Разделение случаев нарушения правил рыболовства на «незначительные» и «существенные» можно произвести довольно точно по месту совершения преступления и по орудиям лова.

В этом направлении и разрабатывается сейчас вопрос. Желательно, чтобы рыболовские районы Союза Республик высказали по этому поводу свою точку зрения.

— О растратах. В начале 1925 года вопросу о борьбе с растратами было уделено много внимания. Доклады на собраниях, статьи в газете, показательные процессы—все привлекало внимание к делу борьбы с растратами. Затем привычки, смолкли. К концу 1926 года подвели итоги. Оказалось, что количество растрат не уменьшилось, а увеличилось. Больше того, растратчики перешагнули хулиганство и скотокрадов.

В 1926 году возникло дел: по хулиганству—527, по скотокрадству—653 и по растратам—788.

Астраханская губерния невелика. В других губерниях эти цифры могут казаться незначительными. В наших условиях они огромны.

Увеличение растрат в сравнении с 1925 годом процентов на 30—35. И это при общем гробовом молчании. Только в гуще трудящихся росло недовольство. Медленность производства следствия, отдельные ошибки в карательной политике судов, создали в глазах трудящихся впечатление ненаказуемости растрат.

Совещание уловило недовольство трудящихся, учло ошибки прошлого и наметило перспективы к исправлению их в 1927 г.

— О хулиганстве и скотокрадстве. По этим видам преступности в карательной политике был очевидный перегиб.

Квалифицируя хулиганские поступки, милиция и суды совершенно не пользовались административными штрафами и ч. 1 ст. 176 УК (ред. 1922 г.). Было много ошибок. По скотокрадческим делам судьи устраивали показательные процессы и избирали меру наказания «с запросом»: УИК, мол, исправит. Совещание решило исправить эти ошибки, наладить работу по применению реальной меры социальной защиты.

Много внимания уделено совещание следственному аппарату. По сводному отчету Верховного Суда за 1925 год можно понять, что самый плохой следственный аппарат имеют Астраханская губерния и область Коми.

За 1926 год следственный аппарат выглядит несколько лучше, чем в 1925 году. Разгрузились от старых дел, начинаем выполнять и норму, налаживается руководство органами дознания. Но недостатков еще много. На них-то и останавливалось совещание. Разобрано все до деталей. До того, как организовать работу в камере по плану, как составлять план ведения следствия по каждому делу, как руководить органами дознания и т. п. Результаты такой работы уже сказались. Тотчас же после совещания закипела работа. Можно твердо сказать, что в 1927 году наш следственный аппарат будет не самым худшим. Лишь бы зарядка, данная совещанием, не выдохлась.

Кассационная практика губсуда и организационная работа в камере народного суда—вопросы, давшие возможность проанализировать работу нарсудов с качественной и количественной стороны. Общий вывод таков: работа народных судов улучшилась в сравнении с прошлым. Основной недостаток настоящего—неумение работать в плановом порядке, организовать правильное распределение времени, сил и средств. И в этом случае, как и по работе следственного аппарата, намечены точные мероприятия по устранению недостатков.

Размер статьи и так уже вышел из рамок обычных заметок о совещаниях, печатаемых в «Еженедельнике». Материал еще велик, но остальные вопросы менее значительны. На них можно и не останавливаться.

В общем совещание, рассчитанное на обострение внимания на недостатках в работе, а не на подсчете достижений, дало значительный сдвиг в работе, оживило мысль работника юстиции обменом опыта, приобретением новых знаний.

Председатель Астраханского губ. суда П. Глазков.
г. Астрахань.

За рубежом.

Из уголовной практики Германского Reichsgericht'a: половые преступления; злоупотребление доверием; конфискация орудий преступления.—Закон об охране государственного кредита во Франции.—Условное досрочное освобождение в Бразилии¹⁾.

В усердно обсуждаемом германской юридической печатью проекте нового уголовного уложения не мало споров вызывают статьи, посвященные так называемым преступлениям против нравственности. Направление, принятое проектом в этом чрезвычайно тонком и сложном вопросе, характеризуется многими авторами, как совершенно ошибочное. Так, судья Крюп е к е р отмечает, что проект построен на презрении к половой жизни и на полном пренебрежении как к богатому клиническому опыту, так и к теоретическим завоеваниям биологии пола. С другой стороны, авторы проекта усвоили, повидимому, господствующее убеждение, что в наш век потребления всяческих осянов и распада святей уголовного право призвано играть главную роль в борьбе с половой безнравственностью, и что тяжесть кары за соответствующие преступления не только не должна быть снижаема, но, напротив, всемерно усиливается.

На почве этих взглядов складывается и крепнет чрезвычайно реакционное и безжизненно догматическое правосознание, отражением которого может явиться следующий весьма любопытный случай из практики верховного суда Германской республики. Некто X и его жена были преданы суду за преступление, выразившееся в том, что они вступали друг с другом в брачное сожитие, невзирая на то, что обвиняемая жена X прихотилась ему падчерицей по первому браку: X раньше был женат на ее покойной матери. Преступление это предусмотрено ч. II ст. 173 германского уголовного уложения (действующего). Надо отметить, что брак обвиняемых был

¹⁾ Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft B XLVII H 7/8 Berlin und Leipzig.—Bevue penitentielle et de Droit penal 1926, №№ 1—4. Paris.

надлежащим образом оформлен, повидимому, вследствие ошибки чиновника, производившего запись, ибо вообще германское законодательство не допускает браков между детьми одного из родителей и их последующим супругом. Суд шеффенов (некто вроде наших народных заседателей), рассмотревший дело по существу, пришел к выводу, что, поскольку брак не был расторгнут, он сохранил свою силу, следовательно, телесная близость супругов, как один из необходимых признаков брака, не представляет равно ничего противозаконного и тем более не содержит состава уголовно-наказуемого деяния. На этом основании суд шеффенов вынес оправдательный приговор, опротестованный, однако, прокурором.

Верховный суд, рассматривавший дело в кассационном порядке, нашел, что ч. II ст. 173 угол. уложения объявляет наказуемым вообще половое сношение между свойственниками в восходящей и нисходящей линиях. Несущественно, состоялось ли это сношение в браке или вне брака. Несущественно также и то, что брак был по ошибке чиновника надлежащим образом оформлен, и даже то, что сами супруги добросовестно заблуждались насчет действительности своего брака. Более того, если бы даже супруги до брака не знали о связывающих их отношениях свойства, а узнали бы об этом, уже состоя в браке, всякое половое сношение между ними после того, как выяснилось наличие свойственных уз, является уголовно наказуемым. Суд шеффенов допускает явное заблуждение, утверждая, что всякий брак порождает для супругов обязанность полового общения. Эта обязанность возникает, если домогательство такого общения является злоупотреблением правом. Именно такое положение имеет место в данном случае, когда половая близость запрещена уголовным законом. Уголовно-правовое запрещение господствует над правами и обязанностями, выводимыми из норм гражданского порядка. Оно упраздняет их силу, а не наоборот. В рассматриваемом случае осужденные знали, что они являлись до брака опчичом и падчерицей. Если они, невзирая на это, заключили брак и вступили в половую близость, состав преступления наличен. Их убеждение в законности учиненного, хотя бы и подкрепленное мнением, либо действительным компетентного правового исполнителя, в данном случае чиновника, оформившего брак, не уничтожает наказуемости деяния, ибо не меняет его состава, как он описан в законе.

Рассуждения верховного суда являют замечательный образец юридического фемицизма. В самом деле: по приговору доказано: 1) что осужденные не знали о противозаконности своего деяния; 2) что, напротив того, они имели все основания считать его не только законным, но даже обязательным (ибо отказ в половой близости или ее невозможность влекут за собой расторжение брака); 3) что в этом убеждении они были уверены вплоть до представления государственной власти, действовавшего также вполне добросовестно. И тем не менее, верховный суд находит, что супруги X подлежат уголовному наказанию, ибо допустили из виду ч. 2 ст. 173 уголовного уложения в том толковании, какое дается ей юристами из Reichsgericht'a. С точки зрения советского уголовного права, если бы оно предусматривало сходные случаи, здесь перед судом стоял бы один только основной вопрос: является ли деяние супругов X совместно опасным? За полной ясностью ответа на этот вопрос, рушившись бы все хитросплетения, благоизобретенные учеными юристами.

Два других определения верховного суда с точки зрения здравого смысла сомнений не вызывают, хотя продолжают все же ясно линию спороности в уголовной репрессии половых преступлений. Одним из провинциальных судов был осужден некто N за покушение на любовственные действия с ребенком. Деяния осужденного выразились в том, что, считая себя наедине с девочкой, он положил ее на стол в положении, отвечающем его намерениям, и стал орудовать с ее платьем, но в это время был потревожен приходом матери ребенка. Осужденный подал жалобу, в которой доказывал, что его действия содержат состав лишь приготовления, а не покушения на любовственное. Жалоба была отвергнута верховным судом, разъяснив, что деяния осужденного вполне отвечают понятию прихода к любовственным действиям, то есть являются покушением, а не приготовлением, как то утверждает жалобщик.

В другом случае возник вопрос, может ли считаться любовственным действием поцелуй. Верховный суд разъяснил, что согласно 176 ст. уголовного уложения любовственным считается всякое действие, которое нарушает чувство половой стыдливости или приличия, и притом направлено к возбуждению или удовлетворению половой похоти. Имеются ли эти признаки в каждом наличном случае, есть вопрос существа дела, не поддающийся, так правило, кассационной проверке.

Деяния осужденного, выразившиеся в том, что он обнял двенадцатилетнюю девочку и поцеловал ее в щеку, могут по связи с другими обстоятельствами дела быть признаны любовственными и повлечь уголовную кару.

Германские суды, как видит читатель, признают иногда уголовно наказуемыми такие деяния, которые не подошли бы под понятие преступления, даваемого в статьях нашего Уголовного Кодекса. Это относится не только к преступлениям половым. Нижеследующий случай любопытен тем, что в нем воплещился узлом отношения гражданские, вытекающие из договора доверенности, признаки уголовного деяния, квалифицируемого как злоупотребление доверием, и, наконец, вопросы адвокатской этики. Некая г. Ш. обратилась к адвокату за советом в связи с неадами в своей супружеской жизни. Адвокат указал ей, между прочим, на возможность судебного иска о разводе. Недовольная этим, г. Ш. лишила адвоката доверенности; тошнорара, кстати сказать, он с нее не получал и даже не требовал. В последующем супруг г. Ш. обратился к тому же адвокату с просьбой принять на себя ведение дела о разводе его с женой. Это предложение адвокат отклонил, но дал своему клиенту совет относительно возбуждения уголовного преследования против одной из свидетелиц за ложесвидетельство, а после развода вел дело того же лица по вопросу о воспитании детей, происшедших от расторгнутого брака.

Г. Ш. усмотрела в этих действиях адвоката злоупотребление ее доверием и привлекла его к суду по ст. 356 герм. угол. уложения. Рассматривавший жалобу г. Ш. суд шеффенов признал установленным, что адвокат по одному и тому же делу оказывал юридическую помощь сначала жалобщнице, а затем ее супругу. Но, с другой стороны, суд пришел к убеждению, что обвиняемый, давая совет жалобщнице, не мог думать, что действует против интересов лица, оказавшегося в дальнейшем его доверителем, ибо такой постановки дела не допускала сама клиентка. Иными словами, в момент обращения к адвокату г. Ш. между нею и ее супругом не существовало еще той противоположности интересов, которая со всей ясностью обнаружилась в последующем и привела к разводу. При таких обстоятельствах адвокат мог считать, что, оказывая помощь г. Ш., он не злоупотребляет доверием прежней своей клиентки. По этим соображениям суд шеффенов оправдал обвиняемого. Пропест прокурора перед верховным судом был оставлен без последствий.

С точки зрения нашего закона, действия обвиняемого вообще не подлежали ведению уголовного суда. При подаче подобной жалобы в суд последний должен был бы просто направить ее в президиум коллегии запитников для рассматривания в порядке дисциплинарном. И, судя по существующей практике, дисциплинарное производство у нас не закончилось бы для адвоката так же благополучно, как кончилось для него производство уголовное.

Любопытную особенность представляет определение верховного суда по вопросу о том, что подлежит считать подлежащим конфискации орудием преступления. Уголовный суд постановил конфисковать у лица, осужденного за кражу, вместе с воровскими инструментами еще и портфель, служивший для их хранения и переноски. Эта конфискация обосновывалась тем, что портфель не только служил для хранения, но еще и облегчал вору пользование инструментом, следовательно, употреблялся при самом совершении преступления. Верховный суд нашел несным, в чем именно, по мнению суда первой инстанции, состояло «облегчение» воровской деятельности посредством портфеля. Сама по себе переноска в портфеле воровских инструментов не делает его орудием преступления. Он мог бы служить таковым, если бы суд доказал, что портфель применялся преступником со специальной целью особенно искусно утаить от посторонних глаз переноску воровских орудий. Поскольку это не доказано в приговоре, основания к конфискации портфеля отпадают.

Нельзя отказывать рассуждению верховного суда в точности, пожалуй, даже чрезмерной. Исходя из развитых им соображений, нельзя было бы пожалуй отбратить у осужденных воров и карманные электрические фонарики и многие другие предметы, относительно которых трудно установить их «специальное назначение» в каждом отдельном случае. А ведь, известно, что и модные, длинные, свисающие с шеи шарфы служат удобным прикрытием для операций, производимых карманниками в трамвайных вагонах и автобусах. С другой стороны, не лишено интереса крайне осторожное отношение именно к конфискации. Вряд ли уделить бы верховный суд такое же количество внимания лишь этим 2—3 годам заключения, которые отнюдь не столь большой редкостью в уголовных приговорах.

Французское правосудие встречает не мало трудности при оправдании финансовых интересов государства. Мне приходилось в другом месте указывать примеры чрезвычайной снисходительности французских судов к разного рода обходам налогового законодательства¹⁾. Уголовные нормы, пресекающие посягательство на казенный интерес, точно также толкуются судьями в наиболее благоприятном смысле для частных лиц, этот интерес нарушивших. За последнее время во Франции широко развилась своя деятельность агентура по распространению разного рода сомнительных и даже явно мошеннических бумаг, заперщенных к биржевой котировке. Эти агенты обещают по преимуществу деревни и распространяют среди крестьян слухи, что государственная рента и облигации военных займов будут подвергаться усиленному обесценению, а то и вовсе аннулироваться. Побуждая держателей государственных бумаг выбрасывать их на рынок, комиссионеры всемерно расхваливают свои ценности и убеждают вкладывать средства только в последние. Возник вопрос, нельзя ли подавить эту подрывающую государственный кредит деятельность силой закона 12 февраля 1924 года. Согласно ч. 2 ст. 2 указанного закона, «карается штрафом и лишением свободы всякий, кто, хотя бы не прибегая к обману, но в целях спекуляции вызовет или попытается вызвать продажу государственных ценных бумаг».

Вскоре после издания закона 12 февраля было возбуждено уголовное преследование против целого ряда лиц, коим вменялось в вину предусмотренные этим законом деяния. Обвиняемые вышли, однако, из судов оправданными. Исправительные трибуналы Бордо, Орлеана, Ренна и др. городов, рассматривавшие их дела, нашли, что обесценение государственных бумаг являлось для обвиняемых не целью, а средством для достижения другой цели, — размещения предлагавшихся ими ценных бумаг, что, таким образом, в их деяниях отсутствует необходимая для состава преступления побудительная причина, и, следовательно, обвинительный приговор вынесен быть не может. Прокуратура, однако, посмотрела на дело иначе. По ее протестам последовал ряд апелляционных решений, в корне отличавшихся от приговоров первой инстанции. Так, апелляционный суд в Бордо разъяснил, что законодатель, издавая закон 12 февраля 1924 г., имел в виду пресечение всякого рода действий, способных повлечь за собой обесценение государственных бумаг. Соображения, относящиеся к добрым или злым намерениям учинившего деяние лица, из рассмотрения исключались: для наказуемости деяния Бордосский суд полагал достаточным факт объективного причинения вреда. По кассационной жалобе осужденных уголовная палата верховного суда признала, что суд в Бордо зашел слишком далеко в своей мотивировке. Находя, однако, что описательной частью приговора вполне установлены преступные намерения осужденных, верховный суд оставил их жалобу без уважения.

Апелляционный суд в Ренне дал обвинительному приговору более изысканное и логически выдержанное обоснование, при помощи нередко встречающегося в науке уголовного права учения о ближайших и конечных целях деяния: «Принимая во внимание, что деяниями осужденного преследовалась двойного рода цель: во-первых, непосредственная (обесценить государственные ценности в глазах их держателей, дабы побудить последних выбросить эти ценности на рынок), и, во-вторых, конечная (убедить продавцов вложить свои сбережения в иные ценности, предложенные им осужденным); что конечная цель осужденного безразлична для состава преступления, который является вполне законченным по достижении первой цели; что иное толкование сделало бы вообще невозможным применение закона 1924 г., — Реннский суд постановил обвинительный приговор (очевидно, в отмену оправдания, вынесенного исправительным трибуналом в Орлеане).

Любопытно, что исправительные трибуналы очень туго усваивают линию верховного и апелляционных судов и продолжают выносить оправдательные приговоры. Психология добрых буржуа из Либуэрна, Арбуа и других небольших городов не может опреститься от вкорененных веками индивидуалистических представлений о равенстве товарладельцев на всяком рынке, в том числе и на рынке фондовых ценностей. Каждая бумага стоит столько, сколько можно на ней заработать, и государственная рента не должна составлять исключения из этого правила. Бессмысленно и бесцельно охранять уголовной карой то, что должно быть охранено своими внутренними свойствами: выгодностью, надежностью и т. п. Для обыкновенного времени подобные рассуждения, пожалуй, не столь плохи. Но Париж, потрясаемый великими трудностями политики в эпоху войн и революций, столица победителей, не могущая добиться устойчивости своей денежной единицы, тогда как побежденные давно упрочили свою марку, — Париж не может идти навстречу мелко-буржуазной ограниченности либуэрнских судей и упорно требует уголовной борьбы со снижающими ценности республики. При всем том, нельзя не согласиться с криминалистами, указывающими на чрезвычайную трудность квалификации деяния по его целям. Судебная практика накопила тому множество доказательств, в связи с законами о наказуемости деяний, учиненных с целью «анархической пропаганды», «недозволенной спекуляции» и уже известной нам проповедательской пропаганды.

Во французской печати возбуждает толки декрет 1924 г. об условном досрочном освобождении в Бразилии, обставляющий это освобождение весьма существенными ограничительными условиями. Главнейшее из них заключается в том, что оказанной льготой могут пользоваться лишь те из осужденных, которые, будучи приговорены к лишению свободы на срок не ниже 4 лет, отбыли, по крайней мере, половину этого срока. При этом четверть уже отбытого срока должна быть проведена в с.-х. колониях или на внешних общественно-полезных работах, и, сверх того, заключенный должен явить веские доказательства своего исправления. Если заключенному по обстоятельствам, от его воли не зависящим, не удалось поехать в земледельческую колонию или на внешние работы, это не лишает его права на досрочное освобождение, но обуславливает последнее отбытием двух третей наказания. Логика этой оговорки совершенно непонятна. Человек уже терпит более суровый режим заключения помимо и, конечно, против своей воли и стараний; несмотря на то, ухудшаются еще и права его на досрочное освобождение.

Удостоверение того факта, что осужденный достаточно исправился, чтобы претендовать на освобождение, принадлежит особым исправительным советам, во главе с представителем прокуратуры. Члены совета, числом пять, подбираются, по возможности, в составе трех юристов и двух врачей. Совет регулярно, не реже раза в месяц, посещает тюрьмы, но окончательных решений не выносит, а лишь представляет свое мнение судье или председателю суда, вынесшего приговор. От этих лиц зависит согласиться или не согласиться с мнением совета и окончательно разрешить вопрос. Издавая приказ о досрочном освобождении, судья может обусловить его дополнительными требованиями и ограничениями: запрещением проживать в определенных местностях, обязательством воздерживаться от крепких напитков и т. п. Во всяком случае, освобождаемый обязуется к возмещению вреда и возмещению судебных издержек. На свободе он остается под надзором своего бывшего места заключения, начальнику которого он ежемесячно должен сообщать сведения о своей работе, материальном положении и общих условиях жизни. Если исправительный совет признает эти сведения неудовлетворительными, он вправе возбудить вопрос об отмене освобождения.

Таким образом, условно освобожденный продолжает чувствовать себя преступником, зависящим от усмотрения людей, которые его не видят, и которых он не видит. Сомнительно, чтобы такое положение благоприятствовало вращению человека в трудовую жизнь и обретению необходимого для этой жизни душевного равновесия.

И. Ильинский.

¹⁾ См. мою книгу «Кризис буржуазной юриспруденции» 1927 г. с. стр. 84. И. И.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

СОДЕРЖАНИЕ: Инструктивное письмо ГНК Верх. Суда РСФСР № 2.

Инструктивное письмо ГНК Верховсуда РСФСР 1927 г. № 2.

Рассылается на основании ст. 6
наказа ГНК, по утверждению его
Президиумом Верховного Суда в за-
седании от 3 мая 1927 г.

Председатель Верховсуда
РСФСР Стучка.

ПРЕДСЕДАТЕЛЯМ ГЛАВНЫХ, КРАЕВЫХ, ОБЛ., ОКР. И ГУБ. СУДОВ.

О судебных расходах.

Кассационная практика ГНК Верховсуда показывает, что во многих случаях судами не вполне усвоены правила о взыскании судебных пошлин и прочих сборов, а также и правила приращения в пользу сторон судебных расходов.

ГНК Верховсуда считает необходимым остановиться на недочетах, которые имели место в работе судов в связи с этим вопросом по данным кассационной практики истекшего года.

О цене иска. При установлении цены иска в случаях, указанных в ст. 37 ГПК, суды иногда исходят из тех материальных выгод, которые может получить истец в результате удовлетворения иска. Такое применение закона (ст.ст. 36—38 ГПК) противоречит его смыслу, почему необходимо, чтобы суды в этих случаях исходили из действительной, на основании имеющихся в распоряжении суда данных, стоимости предмета спора, а не из предположительной. Если же у суда отсутствуют необходимые сведения для определения по ст. 36 ГПК действительной стоимости отыскиваемого имущества, то в этих случаях следует руководствоваться правилами ст. 38 ГПК.

Надо отметить также и то, что при определении цены иска судами допускаются ошибки в отношении так называемых исков неимущественного характера. Нап. ГПК, как общее правило, не предусматривает споров о праве гражданском, в основании которых нет того или иного имущественного интереса, а в судебном порядке рассматриваются лишь споры о праве гражданском (ст. 2 ГК). Поэтому под исками, которые, как это говорится в ст. 35 ГПК, не имеют «имущественного характера», надлежит подразумевать такие, в которых имущественный интерес не может быть в порядке, указанном в ст. 36 ГПК, выражен в денежной сумме. А отсюда следует, что хотя в исках о признании отцовства, о выселении и т. д. имущественный интерес и может иметься, но оплате судебной пошлиной они не подлежат, поскольку в них установление цены иска невозможно. ГНК уже имела случаи указывать судам, что если, напр., предъявлен иск о взыскании определенной суммы и вместе с тем о признании права на имущественное удовлетворение из имущества должника, и если судом иск этот удовлетворен, но в части признания права на преимущественное удовлетворение отказано, то в этом случае подаваемая истцом кассалобна на решение суда в части отказа в признании права преимущественного удовлетворения оплате судебной пошлиной не подлежит, так как самый иск в этой части хотя и имеет явно имущественный характер, но не поддается оценке, а следовательно, и оплате судопшлиной. Точно так же, напр., если основные искивые требования о признании ответчика (юридическое лицо) несостоятельным и подлежащим ликвидации судом удовлетворены, а отказано истцу лишь в части требования о назначении ликвидационной комиссии, и если решение суда в этой части обжаловано, то ясно, что не производится взыскание суд. пошлин с поданной кассалобы, поскольку самый иск в этой части не был и не мог быть оценен и оплачен судебной пошлиной.

Что касается взыскания расходов на вознаграждение представителя согласно примечания к 46 ст. ГПК, то в этих случаях суд определяет размер возмещения расходов на представителя по усмотрению, в зависимости от сложности дела и количества затраченного труда.

Также наблюдается разногласие у судов по вопросу о взыскании суд. пошлины по увечным искам.

Этот вопрос следует разрешать в том смысле, что иски о взыскании за увечье по общему правилу освобождаются от судебных пошлин по п. «б» ст. 43 ГПК, но судья при приеме искового заявления или суд при вынесении решения вправе пересмотреть этот вопрос и постановить о взыскании судебных пошлин, когда взыскание за увечье не представляет собой прямого возмещения заработной платы (напр., ст. 415 ч. 2 ГК). При чем, если требование уплаты судебных пошлин

последовало по единоличному распоряжению судьи, то он обязан поставить вопрос об уплате суд. пошлин на утверждение суда.

Что касается исков о признании должника несостоятельным, то по этим делам следует руководствоваться разъяснением Пленума Верховсуда РСФСР от 7 февраля 1927 года («Суд. Практ.», № 3—1927 г.), согласно которого впредь до издания закона о несостоятельности по искам о признании должника несостоятельным надлежит первоначально взыскивать судебную пошлину на основании ст. 38 ГПК в размере 10 рублей с последующим довызысканием пошлины с тех сумм, которые впоследствии должны быть выплачены кредитором ликвидационной или судом, при чем размер определяется по категориям дел, подсудных губсуду. В тех же случаях, когда объявление несостоятельности по претензии кредитора было основано на документе (напр., исполнительном листе), по которому судебная пошлина ранее уже взыскана, дополнительная пошлина не взыскивается.

Установление цены иска не является составной частью решения суда (ст. 176 ГПК) и представляет собой самостоятельное процессуальное действие, допускающее обжалование его в частном порядке (ст. 48 ГПК). Но в виду того, что частная жалоба особо от кассационной жалобы является исключением, в этом случае может подать жалобу лишь лицо, которое должно внести назначенную суд. пошлину. Если же назначенная судом при предъявлении иска суд. пошлина уже уплачена, то обжалование может последовать или поданная жалоба представляется в высшую инстанцию только вместе с касс. жалобой. При определении же цены иска, согласно ст. 38 ГПК, в самом решении оно может быть обжаловано стороной, либо вместе с подаваемой касс. жалобой, либо же в случае неподачи стороной кассалобы путем частной жалобы в порядке ст. 249 ГПК.

Судебные пошлины с кассационных жалоб. По этому вопросу ошибки допускались судами прежде всего в тех случаях, когда кассалоба припесена лишь на решение в части отказа в присуждении судебных пошлин и расходов. Поскольку распределение судебных издержек составляет часть судебного решения (п. «з» ст. 176 ГПК), обжалование этого действия суда, т. е. решения суда в этой именно части, возможно лишь в кассационном, а не частном порядке. Однако, оплате судебной пошлиной такая кассалоба не подлежит, так как распределение судебных расходов по делу производится судом в силу закона (ст. 46 и прим. к ней ГПК), и сумма эта в цену иска не входит (ст. 36 ГПК).

По вопросу о судебных пошлинах с касс. жалоб третьих лиц необходимо указать, что во всех случаях подачи ими кассал. жалоб последние, согласно ст. 35 ГПК, по которой оплате подлежит каждая кассационная жалоба, должны быть оплачиваемы суд. пошлиной, как и касс. жалобы сторон. В тех же случаях, когда третьи лица самостоятельно касс. жалобы не подали, они пользуются в силу закона правом участвовать и в касс. инстанции и в том случае, если они и никакого присоединения к кассалобе сторон не подавали.

Гербовый сбор. В области взыскания герб. сбора надо отметить, что суды в большинстве случаев не применяют правил Устава, касающихся взыскания герб. сбора с договоров и актов о неустойке. Судам следует при рассмотрении дела и вынесении решений строго руководствоваться правилами Устава о гербовом сборе, в частности правилами о взыскании гербового сбора с договоров о неустойке. сущность которых сводится к следующему: согласно п. 18 № 40 «Подробного Перечня» условия о неустойке а) составленные в форме отдельного акта или надписью на акте, подлежат оплате: 1) простым гербовым сбором I разряда—при заключении договора, и 2) пропорциональным гербовым сбором I разряда с зачетом уплаченного ранее простого сбора—при исполнении договора; б) включенные в какой-либо акт: 1) не подлежат оплате—при заключении договора, и 2) подлежат оплате пропорциональным гербовым сбором I разряда—при исполнении договора. Согласно примечания к указанному пункту «Подробного Перечня», «под исполнением договора о неустойке следует понимать добровольную уплату неустойки или вступление в законную силу судебного решения при взыскании неустойки по суду». Отсюда следует, что при вынесении решений, которыми удовлетворяются иски о взыскании неустойки, суды должны включать в решения постановление о взы-

скании гербового сбора с присужденной неустойки в момент вступления решения в законную силу. При этом надо иметь в виду, что, согласно п. 3 ст. 18 Устава о гербовом сборе, обязанность уплаты гербового сбора и штрафа по договорам о неустойке возлагается на получателя неустойки.

Таким образом, порядок взыскания гербового сбора в этих случаях должен быть установлен следующий: постановление о взыскании гербового сбора с получателя неустойки выношается судом в решение с тем, что взыскание это было произведено лишь по вступлении решения о взыскании неустойки в силу. Поэтому при выдаче исполнительного листа получателю неустойки суд обязан произвести с него взыскание гербового сбора в размере, указанном во вступившем в законную силу решении. Если же взыскатель неустойки, в силу п. «в» 43 ст. ГПК, от суд. сборов освобожден, суд должен сделать на исполнительном листе надпись об удержании суд. исполнителем гербового сбора из первого платежа в счет взыскиваемой суммы.

О ст. 46 ГПК. Распределение суд. издержек составляет часть решения суда, и потому изменение или исправление этой части решения возможно лишь в кассационном порядке. При чем, если в решении суд вовсе не произвел распределения судебных издержек, то суд должен по просьбе стороны вынести об этом дополнительное решение (181 ст. ГПК). Если стороны пропустили в семидневный срок подать суду просьбу о вынесении дополнительного решения о распределении судебных издержек или если суд при вынесении решения произвел неправильное их распределение, то исправление решения в отношении неприсуждения или неправильного присуждения суд. издержек возможно только путем подачи стороной кассационной жалобы, но не путем раз'яснения или толкования решения в порядке 185 ст. ГПК. Лишь в виде исключения, когда неправильное распределение судебных издержек в решении произошло из-за допущенной судом явной арифметической ошибки в их исчислении, или когда неправильное распределение в решении суд. издержек, присуждаемых в доход казны, влечет ущерб для государства, суд может, по собственной инициативе, исправить эту неправильность в решении применительно к 185 ст. ГПК, ибо государство, как таковое, в деле не участвует, почему срок в отношении представителей надлежащего органа государственной власти (напр., финоргана) должен исчисляться с момента, когда это решение стало известным надлежащему органу.

С другой стороны, согласно той же 46 ст. ГПК, возмещение сторонам понесенных ими судебных расходов должно производиться, как общее правило, пропорционально размеру удовлетворенных или отказанных решением исковых требований, исходя при этом из суммы иска, первоначально заявленной истцом, а в случае уменьшения ее самим истцом — из этой уменьшенной цены иска. Но так как при уменьшении истцом исковых требований от суда зависит принятие отказа стороны от принадлежащих ей прав (2 ст. ГПК), то в тех случаях, когда истцом (в частности лицом, пользующимся предоставленной ему п. «в» ст. 43 ГПК льготой) предъявляется явно преувеличенный и неосновательный иск, от суда зависит в случаях уменьшения таким истцом цены иска не принять этот отказ и в соответствии с п. 3 циркул. Верховсуда № 14 от 19/V—24 г. при отказе в иске истцу взыскать с него в пользу ответчика суд. расходы, исходя из размера первоначально заявленного им иска, с тем, однако, расчетом, чтобы взысканная с истца сумма не превышала действительно понесенных ответчиком суд. расходов по делу.

Что же касается возмещения расходов сторон по вознаграждению представителя, то, согласно раз'яснения Пленума Верховсуда от 1 декабря 1923 г. («Е. С. Ю.» № 48—1923 г.), присуждаемая на основании прим. к ст. 46 ГПК сумма в пользу стороны, выигравшей дело, должна определяться в пределах 5% той части иска, в отношении которой решение состоялось в ее пользу. Таким образом, в случаях уменьшения истцом своих исковых требований суд вправе, исходя из первоначально заявленного истцом размера иска, присудить в пользу сторон на вознаграждение представителя сумму в пределах 5% с части иска, в отношении которой решение состоялось в пользу той и другой стороны, имея в виду при этом сложность дела, количество затраченного на него времени со стороны представителя и т. д.

О судебных расходах по делам, передаваемым в гражданский суд в порядке ст. 329 УПК. По этому вопросу раз'яснения даны Пленумом Верховсуда в постановлениях от 24/XI—24 г. («Е. С. Ю.» № 1—1925 г.) и от 18/X—26 г. («Е. С. Ю.» № 45—1926 г.). Однако, в практике судов и в этой области нередко встречаются ошибки. Прежде всего надо иметь в виду, что, согласно раз'яснения Пленума Верховсуда от 18/X—26 г., от всех судебных расходов освобождается все производство по гражданскому иску, предъявленному в уголовном деле, независимо от того, с кого эти сборы подлежат взысканию: с истца или с ответчика. Если же гражданский иск, вытекающий из уголовного дела, был передан в гражданский суд, то в отношении взыскания судебных пошлин и других сборов, согласно раз'яснения Пленума Верховсуда от 24/XI—24 г., возможны три случая: 1) гражданский иск, вытекающий из уголовного дела, предъявляемый в порядке гражданского судопроизводства, вследствие оставления его уголовным судом без рассмотрения (ст. 328 УПК), подчиняется всем правилам гражданского судопроизводства, в частности в смысле взимания судебных пошлин и прочих сборов по делу. 2) Гражданский иск, признанный уголовным судом обоснованным и подлежащим удовлетворению, но переданный в гражданский суд для определения размеров его удовлетворения (ст. 329 УПК), освобождается лишь от судебной пошлины по сумме иска, предъявленного в уголовном суде, но не от прочих сборов и издержек по делу (экспертизы, герб. сборы и проч.). Таким образом, в этом случае в отличие от того, когда иск предъявлен и разрешен в уголовном суде (о котором говорит раз'яснение Пленума Верховсуда от 18/X—26 г.), все производство по делу по сумме иска, предъявленного в уголовном суде, освобождается лишь от судебной пошлины. Поэтому если ответчик обжалует решение по такому делу, то он не вносит предусмотренной ст. 35 ГПК судебной пошлины с поданной кассационной. От прочих же сборов и судебных издержек по делу не подлежат освобождению ни истец, ни ответчик, за исключением лиц и учреждений, указанных в ст. 43 ГПК. Наконец, 3) если истец пожелает выйти за пределы цены иска или его основания, имеющего непосредственную связь с уголовным деянием (ст. 2 ГПК), от него зависит вместо продолжения дела, переданного уголовным судом, предъявить новый иск, к которому приобщается и дело, переданное из уголовного суда, на которое уже рассматривается в этом случае на общих основаниях.

О порядке возврата судебных пошлин. При возбуждении ходатайств о возврате судебных пошлин в практике возникает вопрос, как понимать указание ст. 45 инструкции о порядке взимания судебных пошлин о том, что деньги, израсходованные истцом на уплату судебной пошлины и надбавки к ней в доход местных средств возвращаются ему, если поданное исковое заявление или кассационная жалоба будут возвращены или не получают в суде движения, или считаются неподанными. Необходимо прежде всего отметить, что, согласно раз'яснения Пленума Верховсуда от 1 июня 1925 г. («Е. С. Ю.» № 26—25 г.), все случаи возврата истцам суд. пошлин и проч. сборов перечислены в ГПК. Обращаясь к ГПК и к указанной инструкции, мы видим, что такими случаями являются: во-первых, те, когда исковое заявление по указанным в законе основаниям возвращается судом истцу: примером в данном случае может служить возврат судом истцу его искового заявления при признании им дела себе неподсудным (ст. 31 ГПК), и, во-вторых, те, когда исковое заявление или кассационная жалоба оставлены без движения вследствие наличия в них недостатков, указанных в ст. 31 ГПК, и затем по истечении срока, данного судом на исправление этих недостатков, признаны им неподанными.

В связи с этим следует остановиться на вопросе о том, каковы взаимоотношения судебных и финансовых органов по вопросам возврата суд. пошлин. В некоторых случаях финорганы при исполнении постановлений судов о возврате суд. пошлин вступают в пререкания с судами по существу этих постановлений. Они считают, что вопрос о возврате поступивших в доход государства суд. пошлин должен разрешаться, как и вопрос о возврате госналогов и сборов, не судебной властью, а финорганами. Судам необходимо иметь в виду, что, согласно ст.ст. 45 (в ред. от 22 октября 1925 г., «Е. С. Ю.» № 47—25 г.) и 46 инструкции о взимании суд. пошлин, возврат суд. пошлин производится органами НКФ при наличии соответствующего определения суда.

Председатель Кассационной Коллегии по Гражд. Делах Верх. Суда РСФСР Александровский.

Ответственный Редактор: Нар. Ком. Юст. Д. Курский.

Редакционная Коллегия { Н. Крыленко.
Я. Бранденбургский.
С. Прушицкий.

Издатель { Юридическое Издательство
НКЮ РСФСР.